

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИС ПИТЕРС

УЧЕНИК
ЕРЕТИКА

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Эллис Питерс

Ученик еретика

«РИПОЛ Классик»

1989

УДК 82-312.4
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Ученик еретика / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1989 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-14868-3

Верный слуга возвращается из дальнего путешествия с телом умершего господина и драгоценной шкатулкой, которую его хозяин предназначил в приданое своей крестнице. Отстаивая честь покойного, молодой человек навлекает на себя обвинение в ереси.

УДК 82-312.4
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-14868-3

© Питерс Э., 1989
© РИПОЛ Классик, 1989

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эллис Питерс

Ученик еретика

ELLIS PETERS

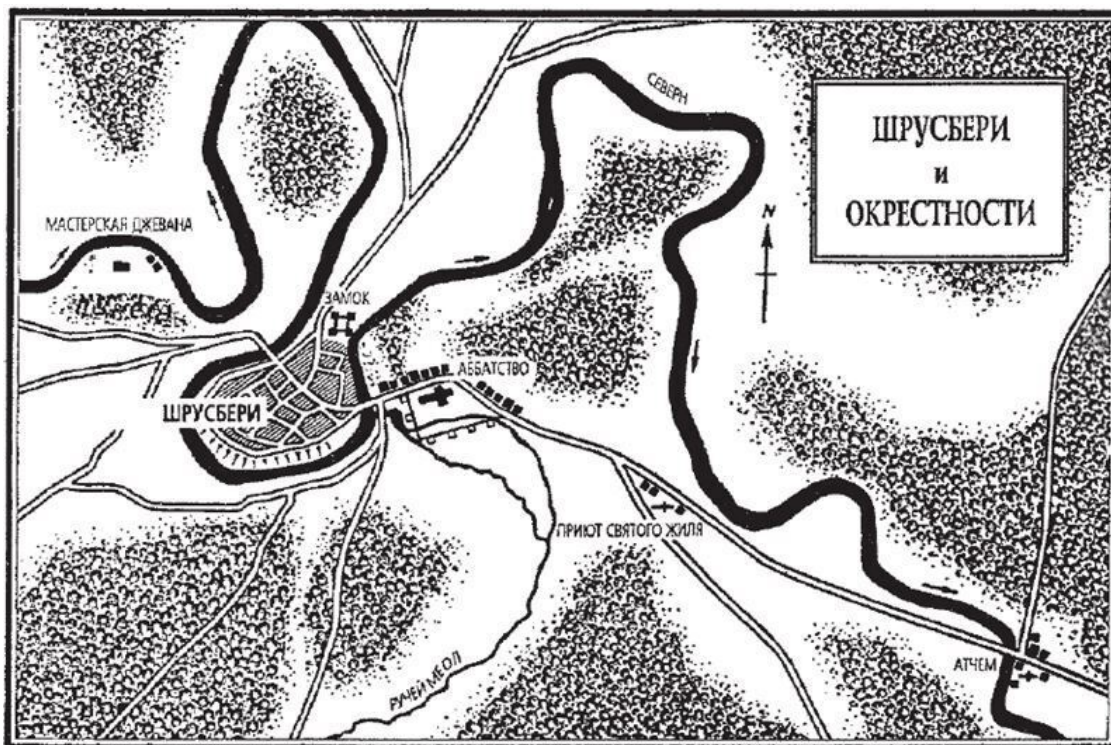
The Heretic's Apprentice

1989

© Storyside. 2022

© Шик С. С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врачевателя
человеческих душ и тел, но и в роли
весьма удачливого, снискавшего славу детектива,
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,

где бушует пожар междоусобной войны.
Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

Девятнадцатого июня, когда прибыл важный гость, брат Кадфаэль работал в саду у аббата, срезая с цветущих кустов увядшие розы. Обычно за цветами ухаживал сам аббат Радульфус; настоятель гордился своими розами и ценил те редкие минуты, которые мог посвящать им, но через три дня предстояло праздновать годовщину перенесения мощей святой Уинифред в монастырскую церковь, и потому аббат с братией были всецело поглощены предпраздничными хлопотами, готовясь к наплыву паломников и благодетелей. Кадфаэлю, не имевшему на сей раз особых поручений, он доверил, в виде исключения, срезать с кустов увядшие розы; лишь Кадфаэль, по мнению аббата, был способен умело ухаживать за цветами, которым к празднику надлежало выглядеть безукоризненно нарядными, как, впрочем, и всему в аббатстве.

Позапрошлым летом, в 1141 году, праздник начался с церемониального шествия от лежащей на дальнем конце Форгейта часовни Святого Жилия к аббатству. В Святом Жиле мощи покоились, пока в аббатстве готовились достойно принять их; но вот наступил великий день, процессия тронулась в путь, и вдруг хлынул ливень, однако ни одна капля не упала ни на ковчег с мощами, ни на участников церемонии, и порывы ветра не загасили пламени прямых, словно копья, свечей. Святой Уинифред всюду сопутствовали мелкие чудеса, как и юной валлийке Олуэн, в следах которой, если верить преданию, выросли цветы. Случались и чудеса покрупней: святая охотно творила их, лишь бы только они были заслужены. Кадфаэлю радостно было сознавать, что Уинифред являла чудеса и в Гвитерине, где протекало ее служение, и даже здесь, в Шрусбери. В нынешнем году празднество ограничивалось владениями аббатства, но, если святая соблаговолит, для чудес и здесь достанет места.

Паломники уже стекались в обитель; их было так много, что Кадфаэль перестал обращать внимание и на гул толпы, доносившийся с большого монастырского двора от сторожки привратника и странноприимного дома, и на беспрестанное цоканье копыт по булыжнику: конюхи вели лошадей в конюшню. Попечитель странноприимного дома брат Дэнис размещал людей, нуждающихся в пище и крове: все будет, наверное, переполнено еще прежде, чем в аббатство соберутся жители Шрусбери и окрестных деревень.

Вдруг из-за угла крытой галереи показался приор Роберт и поспешно, но не теряя достоинства направился к покоям аббата; Кадфаэль, безмятежно срезавший с куста увядшие розы, оторвался ненадолго от работы, чтобы понаблюдать за ним. Узкое, строгое лицо приора напоминало лик ангела, посланного в дольний мир с вестью вселенской важности и наделенного полномочиями самим горным Владыкой. Серебряные волосы вокруг тонзуры Роберта сияли в лучах полудня, ноздри его тонкого патрицианского носа раздувались, вынюхивая почести.

«Наверное, к нам пожаловала важная персона, – предположил Кадфаэль, – уж больно спешит отец приор». Он не удивился, увидев, как сам аббат вместе с приором вышел из покоев и двинулся по двору размашистым шагом. Приор Роберт не отставал от аббата; оба были довольно высокого роста, хотя приор казался гибким и утонченным, а мускулистый, ширококостный аббат выглядел простовато; однако под грубой наружностью таился острый, проницательный ум. Когда после смещения аббата Хериберта настоятелем назначили чужака, для приора это было тяжким ударом, но Роберт не терял надежды. С его стойкостью он способен пережить даже аббата Радульфуса и наконец добиться своего. И Кадфаэль мысленно пожелал аббату долгих лет жизни.

Вскоре аббат уже шел по двору, беседуя с одним из гостей. Но беседа их отличалась настороженной учтивостью, как это бывает при встрече приглядывающихся друг к другу незнакомцев. Приезд этого гостя имел значение выдающееся, и вместе с тем это было приватное посещение, и потому вновь прибывшего не могли поместить в странноприимном доме, даже

среди высокородных особ. Гость был ростом примерно с Радульфуса, такой же жилистый и широкоплечий, но гораздо массивней, почти толстяк, и, видно, силы неимоверной. При первом взгляде на круглое, лоснящееся от сытости лицо можно было отметить только выражение самодовольства; но более внимательный наблюдатель чувствовал в почти неуловимом выражении губ скрытую угрозу и замечал, что мясистый подбородок скрывает решительных очертаний челюсть, а глаза под набрякшими веками смотрели остро и недоверчиво. Если бы не тонзура на голове гостя, Кадфаэль принял бы его за барона или графа из свиты короля: одеяние приезжего отличалось роскошью, хоть и преобладали в нем мрачные – вишневые и черные – тона, по краю просторной, в пышных складках сутаны шел узор. Во время верховой езды она была подоткнута довольно высоко. День выдался жаркий, и шитый золотом воротник был растегнут; в прорези виднелась рубашка тонкого полотна и крест на золотой цепи, облежавшей кряжистую, мясистую шею. Гость не держал в руках никакой ноши, даже плащ свой и перчатки он, очевидно, отдал слуге, едва спешившись.

Оба прелата удалились в покои настоятеля, и оттуда немедля донесся голос приезжего, звучный и ровный, в котором, однако, слышались нотки недовольства. Причина этого недовольства в скором времени стала ясна: конюх ввел во двор двух лошадей, мощного коренастого гнедого, на котором путешествовал сам, и крупного вороного красавца в белых чулочках, накрытого богатой попоной. Стоило ли спрашивать, кто его владелец! Великолепная упряжь, алый чепрак под седлом и узорчатая уздечка выдавали хозяина. Двое слуг вели в поводу своих скромных коняг и одну лошадь, навьюченную тяжелой поклажей. Святой отец, привыкший к приволью и роскоши, не желал себя ущемлять даже в путешествии. Досадовал гость на то, что вороной, единственный конь, подобающий такому седоку и способный выдержать его вес, повредил переднюю левую ногу. Прелату предстояло задержаться в монастыре на несколько дней, покуда конь не перестанет хромать.

Кадфаэль, закончив возиться с розами, вынес корзину срезанных увядших цветов в сад, куда не долетали шум и суeta большого монастырского двора. Розы зацвели нынче рано по причине прекрасной, теплой погоды. Обильные весенние дожди способствовали хорошему росту трав, а сухой июнь – раннему сенокосу. Стрижка овец подходила к концу, и торговцы уже заранее подсчитывали доходы от настрига. Скромные паломники, которые отправятся в путь пешком, не увязнут в грязи и не иззябнут, ночуя под открытым небом. Вмешательство святой Уинифред? Кадфаэль всегда верил: стоит лишь валлийской деве улыбнуться, солнце засияет в округе.

С двух полей, спускавшихся по плавному склону от садовой изгороди к Меолу, уже успели собрать горох: дни стояли солнечные, жаркие, и стручки поспевали очень быстро. Брат Винфрид, здоровый детина с младенчески голубыми глазами, деловито окапывал корни, внося в почву удобрения; охапки срезанных серпом стеблей подсыхали на краю поля, чтобы потом пойти на подстилки и корм скоту. Руки, орудовавшие лопатой, были огромные и смуглые и казались неуклюжими; однако с тонкой стеклянной посудой Кадфаэля и хрупкими высушенными травами они обращались не менее ловко, чем с мотыгой или лопатой.

В травяном саду теплый воздух был напоен вязкими, пряными запахами. Теплая погода благотворно влияла и на сорняки, выросшие на грядках вместе с травами, и потому во владениях Кадфаэля работы в это время года было с избытком. Подоткнув подол рясы, монах опустился на колени и оперся руками о теплую землю. Пьянящие испарения колыхались и трепетали, как невидимые крыла, и солнце ласково грело спину.

Около двух часов протекло в счастливой истоме: Кадфаэль неспешно, с наслаждением прикасался к листьям, корням, почве. Хью Берингар застал его за прополкой. Кадфаэль, слышав легкие, пружинистые шаги по гравии, разогнул спину. Хью Берингар улыбнулся, увидев друга стоящим на коленях.

– Не обо мне ли ты молишься?

– Как всегда, о тебе, – серьезно ответил Кадфаэль. – В случаях с закоренелыми грешниками приходится попотеть.

Он отряхнул ладони от теплой, влажной земли, прилипшей к ним, и протянул руку Хью, дабы тот помог ему подняться. Молодой шериф – хрупкий на вид, с тонкими запястьями – был, к удивлению всех, кто его знал, на редкость силен. За пять лет знакомства Кадфаэль успел сблизиться с Хью тесней, чем с иными братьями в монастыре за двадцать три года.

– А ты что здесь делаешь? – без обиняков спросил Кадфаэль. – Я-то думал, ты все еще на севере графства, убираешь сено в своем имении.

– Я только вчера приехал. Сено убрано, стрижка овец закончена, и я привез Элин и Жилия обратно в город. А сегодня утром мне пришлось засвидетельствовать почтение одному важному господину, что гостит здесь у вас в монастыре, хотя это ему не слишком по душе. Не охромей его лошадь, он бы сейчас был на пути в Честер. Кадфаэль, не найдется ли у тебя капля влаги для жаждущего? У меня что-то пересохло в глотке, пока я слушал его разглагольствования... – рассеянно добавил Хью.

В своем сарайчике Кадфаэль держал про запас вино; оно было молодым, но уже годилось для питья. Кадфаэль вынес полный кувшин, и друзья сели на скамью у северной стены сада, чтобы погреться на солнышке.

– Я видел его коня, – сказал Кадфаэль. – Надо выждать несколько дней, чтобы хромота прошла совсем, ведь до Честера путь не близкий. Хозяина коня я видел тоже, аббат наш немедленно поспешил выйти к нему навстречу. Похоже, гость приехал неожиданно. Ему хочется поскорей попасть в Честер, но, если для него не найдется подходящего скакуна, придется потерпеть, пока заживет нога у вороного. А терпения-то ему как раз и недостает.

– Нет, он уже смирился, – заметил Хью. – Радульфусу предстоит печься о нем с неделю, а то и больше. Ранульфа в Честере он сейчас не застанет. Так стоит ли спешить? Ведь граф выехал на валлийскую границу, чтобы дать отпор Овейну. Принц доставляет слишком уж много хлопот.

– Кто же он такой, этот клирик, едущий в Честер? – с живым любопытством спросил Кадфаэль. – И что ему от тебя было нужно?

– Ваш раздосадованный гость никому не давал покоя, пока не узнал от меня, что граф поскакал к границам и потому торопиться не стоит. Подумать только – послать за шерифом! Впрочем, дело тут не в жажде почестей. Он расспросил меня, где сейчас, по моим сведениям, находится и что затевает Овейн Гуинеддский. Но более всего вашему гостю хотелось узнать, представляет ли валлиец серьезную угрозу для Ранульфа, будет ли Ранульф рад помощи в борьбе с ним и чем оплатит за эту помощь.

– Все это в интересах короля, – заключил Кадфаэль после минутного раздумья. – Наш гость – один из приближенных епископа Генри?

– Ни в коем случае! На сей раз Стефан не стал прибегать к услугам своего брата-епископа, но обратился к архиепископу. Генри занят сейчас другими поручениями. Ваш гость – некий Герберт, каноник-августинец из Кентербери, влиятельное лицо среди приближенных епископа Теобальда. Ему поручили разузнать, не согласится ли граф Ранульф на предложения мира и доброй воли, и, хотя верность графа Честерского Стефану весьма ненадежна, король предполагает снискать ее на взаимовыгодных условиях: ты обеспечишь мне поддержку на севере, а я помогу тебе одолеть Овейна Гуинеддского с его валлийцами. Вместе лучше, чем порознь!

Кадфаэль удивленно приподнял кустистые брови.

– Да, но ведь Ранульф все еще удерживает Линкольнский замок, принадлежащий Стефану. А другие королевские земли, незаконно им захваченные? Неужто Стефан не понимает сомнительности таковой дружбы?

– Стефан ничего не забывает. Но он готов притвориться, дабы успокоить Ранульфа хоть на несколько месяцев. Ранульф не единственный строптивый союзник, – продолжал Хью, –

но король предпочитает разбираться с графствами по очереди. Эссекс несравненно опасней Честера. Ранульф еще получит по заслугам, но королю, пока он не расправился с Эссексом, не до захваченных замков, и временно Стефан готов расценивать графа Честерского как союзника.

– Да, это похоже на короля, – мягко заметил Кадфаэль.

– Вот-вот. Помню Стефана на рождественском пиршестве. Он держал себя так, что трудно было угадать, кто из пирующих король. Стефан прост со всеми, но кротким его не назовешь. А граф Эссексский, по слухам, опять принял сторону королевы, когда она стояла с войсками в Оксфорде. Но едва началась осада, граф вновь переметнулся. Он никак не решит окончательно, к кому же примкнуть. Но час расплаты недалек. Считай, веревка у непокорного графа уже на шее.

– А Ранульфа король надеется умиротворить, пока не покончено с Эссексом.

Кадфаэль в задумчивости потер загорелый нос.

– По мнению епископа Генри, наверное, король именно так и рассуждает.

– Возможно. И не напрасно король взял посла из приближенных архиепископа Кентерберийского. Никто не заподозрит, что за архиепископом Теобальдом стоит сам король. Любому придворному, будь он из свиты Стефана или Матильды, известно, что вышеназванные святые отцы не слишком друг друга жалуют.

Так оно и было. Кадфаэль знал, что размолвка их длилась вот уже пять лет.

Когда умер Уильям Корбейл и освободилось Кентерберийское архиепископство, Генри, брат короля, лелеял самонадеянные мечты стать архиепископом Кентерберийским, почитая себя достойным претендентом. Но папа Иннокентий предпочел назначить Теобальда Бека, к величайшему разочарованию Генри. Открыто выражая неудовольствие и всячески используя свое влияние, Генри добился наконец того, что папа назначил его своим легатом в Англии, – возможно, в утешение, искренне ценя его достоинства, или, напротив, не без злорадства, поскольку Теобальд не мог не завидовать поставленному над ним легату и не испытывать к нему неприязни. Пять лет внешне благопристойного соперничества являлись по сути яростной войной. И потому посланец Теобальда вне подозрений: за ним не стоит Генри Винчестерский со своими происками, и Ранульф без колебаний окажет ему доверие.

– Ранульф втянулся в распрю с Гуинеддом и потому не откажется от дружбы с королем, – предположил Кадфаэль. – Хотя трудно сказать, как именно Стефан сумеет помочь ему.

– Да никак, – с коротким смешком сказал Хью. – И Ранульф прекрасно это понимает. Единственное, что ему обеспечено, – это королевская снисходительность. Но сейчас он рад и этой малости. О, граф и король видят друг друга насквозь: каждый понимает, что союзнику нельзя доверять и что союз заключается в своекорыстных целях. Но непрочное соглашение все же лучше, чем полное отсутствие договоренности: не надо жить с оглядкой, опасаясь нападения со всех сторон. Ранульф без помехи займется Овейном Гуинеддским, а Стефану никто не помешает выяснять отношения с Джеффри де МанDEVилем, графом Эссекским.

– А пока нам предстоит развлекать каноника Герберта, прежде чем конь сумеет вновь нести своего хозяина.

– Вместе с каноником в монастыре будут гостить его телохранитель, оба слуги и дьякон епископа Клинтонского, которого дали Герберту в провожатые. Скромняга Зерло даже глядеть на него боится. Занятно, слышал ли он – Герберт, я подразумеваю, а не Зерло – о святой Уинифред? Но даже если и не слышал, наверняка пожелает руководить празднеством.

– Да, похоже, – согласился Кадфаэль. – Ты рассказал ему о заварушке с Овейном?

– Да, но кое о чем умолчал. Я сказал ему, что Ранульф, пока не справится с Овейном, вряд ли возьмется за другие дела. Никаких уступок со стороны короля не понадобится, все решится в дружественной беседе.

– Конечно, о твоём соглашении с Овейном упоминать не стоит, – спокойно заметил Кадфаэль. – Ведь он обещал избавить нас от хлопот, занявшись графом. Захваченных замков граф Стефану не отдаст, но будет вынужден поумерить свою алчность и отказаться от новых посягательств.

– А что слыхать на западе? Спокойствие Глостера меня настораживает: не случилось ли там чего? Что-то сейчас поделявает сам граф Глостерский?

Соперничество Стефана и Матильды за трон Англии длилось вот уже пять лет, вспышки междоусобной войны изнурили страну, но судорожные метания противников происходили в основном на юго-западе, не достигая северных графств; в Шрусбери жизнь текла относительно спокойно. Власть Матильды, при поддержке ее незаконнорожденного сводного брата и соратника, графа Роберта Глостерского, простиралась на юго-западные земли с опорой на города Глостер и Бристоль; король правил всеми остальными землями, хотя вдали от Лондона и преданных ему южных графств чувствовал себя не вполне уверенно. В то смутное время всякий граф и барон только и подумывали, как бы урвать кусок пожирней и основать свое, хоть и маленькое королевство; ни до короля, ни до королевы им не было дела. Ранульф, графство которого располагалось вдали от обоих лагерей, заботился только о том, чтобы свить собственное гнездышко, пока удача сопутствовала дерзким. Показная преданность королю не мешала ему расширять собственное королевство, захватывая земли севернее Честера и Линкольна.

Посылая к Ранульфу Герберта, король не надеялся убедить графа в искренности своих намерений, но Стефан был вынужден искать перемирия, отложив расправу до будущих времен. Так, по крайней мере, считал Хью.

– Роберт занят сейчас укреплением обороны, – рассказывал Хью. – Весь юго-запад он желает превратить в крепость. Сюда они привезли дитя, которое – как уповает Матильда – станет в свое время королем Англии. Да, юный Генрих сейчас в Бристолье, но навряд ли войска Стефана продвинутся так далеко; да и зачем Стефану мальчишка? Впрочем, Матильде также от него мало проку, хоть и приятно, что сын рядом: она бы скучала без него. Однако рано или поздно мальчика все же отправят домой. И через несколько лет – кто знает? – он вернется сюда уже возмужалым и вооруженным.

Год назад властительница просила своего супруга, графа Жоффруа Анжуйского, прислать из Франции дополнительные войска, но граф отказал ей. То ли потому, что не вполне был уверен в правомерности притязаний Матильды на английский престол, то ли оттого, что завоевания в Нормандии казались ему важнее, чем притязания супруги. Вместо вооруженных рыцарей он отправил к ней десятилетнего сынишку.

– Хороший ли он отец, этот граф Анжуйский? – полюбопытствовал Кадфаэль.

Хью отвечал, что граф неустанно заботится о процветании рода, наследникам своим он дал прекрасное образование. Опекать мальчика поручено графу Роберту, преданность которого не вызывает сомнений. И все же – отправить дитя в страну, раздираемую междоусобицами! Ему наверняка известно, что Стефан не причинит ребенку вреда, если вдруг мальчик окажется его пленником. Возможно, однако, что принц, несмотря на свой нежный возраст, обладает твердостью характера и действует в собственных интересах. Это неудивительно: отважный отец имеет отважного сына. «Мы еще услышим об этом Генрихе Плантагенете, который сейчас в Бристолье учит уроки», – подумал Кадфаэль.

– Мне пора идти, – сказал Хью, лениво потягиваясь: на пригреве его разморило. – Клириков я сегодня достаточно навидался. Кадфаэль! А ты так и не принял сан? Это спасло бы тебя от преследования светских властей, доведись им прослышать о твоих проделках. Пусть уж лучше аббат тебя судит, а не я.

– Придержи-ка лучше язык! – посоветовал Кадфаэль, неспешно поднимаясь с места. – В девяти из десяти случаев ты замешан вместе со мной. Забыл, как прятал лошадей от королевской облавы, когда...

Хью со смехом обнял друга за плечи.

– О, если ты начнешь вспоминать, я готов с тобой посоперничать. К чему прошлое ворошить? Мы с тобой всегда отличались благоразумием. Пойдем, проводи меня до ворот. Скоро начнется вечерняя служба.

Приятеля не торопясь проследовали по дорожке, посыпанной гравием, вдоль изгороди и вышли в цветник, где росли розы. Брат Винфрид уже возвращался с горохового поля. Он быстро шагнул с лопатой на плече.

– Приходи взглянуть на крестника, – пригласил Хью, когда они обогнули изгородь и с большого монастырского двора стал слышен говор толпы, похожий на деловитое гудение пчел в улье. – Едва мы подъехали к городу, Жиль спросил о тебе.

– Приду, приду... Я скучаю без него, и все же лучше малышу провести лето на воздухе, чем сидеть здесь взаперти. Что Элин?

Кадфаэль расспрашивал спокойно, зная: Хью сразу же сказал бы ему, случись что неладное.

– Цветет как роза. Приходи, увидишь сам. Элин тоже соскучилась по тебе.

Обойдя странноприимный дом, приятели вышли на монастырский двор, оживлением не уступающий сегодня городской площади. Конюх вел лошадь в конюшню, брат Дэнис встречал покрытого дорожной пылью паломника, помогавшие ему послушники сновали туда-сюда, разнося свечи и кувшины с водой. Гости уже размещенные наблюдали, как паломники вливаются рекой в ворота, приветствовали друзей, вспоминали старые знакомства и заводили новые. Дети, живущие при монастыре, – и служки, и воспитанники, – сбившись кучками, смотрели во все глаза, взвизгивали, подпрыгивали, как мячики, или возбужденно шныряли у приезжих под ногами, будто псы на ярмарке. Брат Жером торопливыми шагами шел от странноприимного дома к лазарету: в обычное время мальчики притихли бы при виде него, но в веселой суматохе на них никто не обращал особого внимания.

– К началу праздника негде будет яблоку упасть, – сказал Хью, с едва ли не детским удовольствием любуясь пестротой двора.

Вдруг в потоке людей, входящих в ворота, будто рябь пробежала. Привратник отошел к дверям сторожки, а народ расступился, словно давая дорогу всаднику, хотя не было слышно звонкого цокота копыт по булыжнику под аркой. И вот появились те, пред кем раздалась толпа. Один из них – крупный седой вилан – тянул за собой длинную скрипучую тележку. Следом двигался высокий, пропылившийся после долгого пути юноша. Он с усилием толкал перед собой ту же тележку: груз, как видно, был тяжелый. Продолговатых очертаний ящик был накрыт серым холстом, сверху него был брошен узел с пожитками юноши, и все же легко угадывалось, что под материей находится гроб. Тачка ехала, поскрипывая, по смолкшему людскому коридору и наконец поравнялась с Хью и Кадфаэлем. Дети наострили уши: любопытство пересиливало страх, и мальчишкам не терпелось все поскорее узнать.

– Уверен, – тихо сказал Кадфаэль, – что по крайней мере одного из прибывших не потребуется устраивать на ночлег.

Юноша, морщась, как от боли, распрямился и огляделся, ища, к кому бы обратиться. Невозмутимо обойдя гроб, к нему приблизился привратник. Привыкший ко всему монах не дрогнул при появлении призрака смерти – этого мрачного напоминания о бренности земного в разгар всеобщего празднества. Переговаривались юноша с привратником так тихо, что ни слова никто не мог разобрать, но ясно было, что юноша просит приюта – и для себя, и для своего мертвого спутника. Держался он учтиво, с должной почтительностью, но вполне доверчиво. Юноша обернулся и показал рукой на церковь. Лет ему было двадцать шесть – двадцать семь, одежда выгорела на солнце и была покрыта дорожной пылью. Он был выше среднего роста, худой, мускулистый, широкоплечий; на лице его выделялся тонкий, прямой нос.

Горделивое лицо юноши казалось утомленным и озабоченным, но Кадфаэль, однако, наблюдая за странником, подумал, что основные черты его характера – это искренность, доверчивость и доброта и что не случайно его широкие губы охотно отвечают улыбкой на дружеский привет.

– Прихожанин из Форгейта? – предположил Хью, с любопытством глядя на юношу. – Нет, похоже, он пришел издалека.

– И все же, – Кадфаэль покачал головой, – мне кажется, я где-то его видел. Или он напоминает мне кого-то знакомого...

– Мало ли у тебя знакомых по всему свету! – сказал Хью. – Что ж, ты еще успеешь вспомнить. Гляди-ка, брат Дэнис отправил послушника за советом.

На зов брата Дэниса поспешил явиться сам приор Роберт, позади него трусил коротышка брат Жером. Ему трудно было угнаться за длинноногим, стремительно шествующим Робертом, и все же, благодаря своей расторопности, Жером всюду поспевал и готов был выразить соответственно случаю либо ханжеское порицание, либо не менее ханжеское одобрение.

– Необычные гости приняты, – подытожил Хью, внимательно наблюдавший за переговорами, – хотя надолго ли? Однако ведь негоже оставлять за воротами гроб с мертвецом!

– Хозяина тележки я знаю, – вспомнил Кадфаэль. – Он живет в деревне под Рекином, а в тележке возит свой товар на рынок. Парень, похоже, нанял его. Но сам-то юноша пришел из дальних краев. Хотел бы я знать, откуда паренек везет этот гроб и какова конечная цель его путешествия, ведь для такого дела постоянно требуются помощники.

Приор Роберт, окруженный сейчас толпой паломников, жаждавших добрых предзнаменований и благотворных впечатлений, согласился принять путешественника, привезшего гроб. Надо сказать, что личный писец приора неодобрительно относился к событиям, нарушавшим размеренный ход жизни в монастыре. Однако брат Жером не нашел причин, чтобы отказать просителю, он позволил юноше остаться, как и заметил Хью, на некоторое время. Брат Жером услужливо подыскал четырех силачей из числа братьев и послушников, гроб подняли с тачки и понесли в часовню. Юноша, взяв узел со своими скромными пожитками, неторопливо побрел за кортежем и скрылся в южной арке монастыря. Ступал он с трудом, словно все тело его одеревенело, но держался прямо и не выказывал явных признаков горя, хотя и был задумчив; мысли его витали где-то далеко, и на лице юноши самый бесцеремонный любопытствующий взгляд не разглядел бы ничего.

Брат Дэнис сбегал по ступеням странноприимного дома и заторопился вослед процессии, намереваясь вернуть юношу, чтобы приютить его вместе со своими подопечными. Зрители постояли с минуту и вернулись к прерванным занятиям; вскоре шум и движение в толпе возобновились. Сначала робко и неуверенно, а потом еще более оживленно праздничная кутерьма закружилась; мрачное видение смерти явилось и пропало. Можно было опять предаваться беззаботной радости.

Хью и Кадфаэль молча пересекли двор и подошли к воротам. Крестьянин толкал тачку в сторону Форгейта. Видимо, заплатили ему вперед и он остался доволен.

– Что ж, этот молодец свою работу сделал, – заметил Хью, когда владелец тачки скрылся за поворотом. – Теперь остается ждать новостей от брата Дэниса.

Серый жеребец, любимец Хью, был привязан близ привратничкой. Жеребец не отличался ни статью, ни темпераментом, но был тугоуздом и норовист. Он презирал всех представителей рода человеческого, за исключением хозяина, которого уважал как равного.

– Не забудь, мы ждем тебя, – сказал Хью, ставя ногу в стремя и берясь за поводья. – Да с новостями. Не сегодня-завтра, наверное, ты узнаешь, кто этот юноша.

Глава вторая

Кадфаэль, отужинав, вышел из трапезной. Вечер был теплый, светлый, озарявший округу алыми отблесками заката. За трапезой – по распоряжению приора Роберта, желавшего угодить канонику Герберту, – читали избранные места из святого Августина, которого Кадфаэль не слишком любил. Непреклонность Августина, по мнению Кадфаэля, оборачивалась холодностью по отношению к тем, кто имел иные взгляды. Да Кадфаэль и не согласился бы ни с одним из почитаемых святых, провозгласивших, что человечество – это скопище безнадежных грешников, неотвратимо шествующих к гибели, а мир из-за множества несовершенств является воплощением зла. Кадфаэль созерцал мир в сиянии вечерней зари – начиная от роз в саду и вплоть до любовно обработанных камней, из которых был сложен монастырь, – и находил этот мир прекрасным. Не мог он согласиться с Блаженным Августином и в том, что число праведников строго ограничено и судьба каждого из нас predetermined с младенчества: отчего бы тогда, раз уж нет надежды на спасение, не махнуть на все рукой и не заняться грабежом и разбоем, потворствуя возрастающей алчности?

В столь мятежном расположении духа Кадфаэль направился к лазарету, вместо того чтобы вернуться в трапезную, где продолжалось чтение трудов неукротимого поборника праведности, святого Августина. Кадфаэль решил, что лучше будет заглянуть к брату Эдмунду и проверить содержимое его шкафчика с целебными снадобьями, а потом посудачить с престарелыми братьями, немощными и уже неспособными нести бремя повседневных монастырских обязанностей.

Брат Эдмунд, которого отдали в монастырь трехлетним ребенком, тщательно придерживался заведенного распорядка и потому отправился в трапезную слушать чтение брата Жерома. Вернулся он как раз перед вечерним обходом, Кадфаэль только что закрыл дверцы шкафа и беззвучно повторял названия трех снадобий, запасы которых надлежало восполнить.

– Вот ты где, – заметил Эдмунд, нимало, впрочем, не удивляясь. – Весьма кстати. Я привел с собой парня, которому ты можешь оказать добрую услугу: зоркости и сноровки тебе не занимать. Я пытался помочь ему сам, но твои глаза видят значительно острее.

Кадфаэль обернулся, чтобы рассмотреть, кому это понадобилась в столь поздний час его помощь. Комната была плохо освещена, человек, который пришел с Эдмундом, нерешительно мялся у порога. Худой застенчивый юноша, выше среднего роста, как брат Эдмунд.

– Подойди к свету, – велел попечитель лазарета, – и покажи брату Кадфаэлю свою руку.

Юноша приблизился к Кадфаэлю, и Эдмунд пояснил:

– Он пришел к нам сегодня утром. И похоже, издавна. Ему необходим отдых, но прежде надо удалить занозу из ладони, пока не началось нагноение. Дай-ка я установлю лампу.

Свет упал на лицо юноши, резко обозначив крупный нос, высокий лоб и скулы. Вокруг рта и глаз лежали глубокие тени. Гость уже успел смыть с себя дорожную пыль и расчесать светлые волнистые волосы. Юноша стоял, опустив глаза и глядя на свою правую руку, которую держал ладонью вверх. Это был тот самый молодой человек, что привез мертвого спутника и попросил крова и для себя, и для него.

Рука, которую он спокойно протянул для осмотра, была широкой и мускулистой, с длинными крупными пальцами. В нижней части ладони, у основания большого пальца, виднелась неровная глубокая царапина, которая уже начала воспаляться. Рану надо было срочно обработать, чтобы не возникло нагноения.

– Неважнецкая тебе попалась тачка, – вздохнул Кадфаэль. – Ты занозил ладонь, выволакивая ее из канавы? Или слишком неудобно было толкать? Кстати, чем ты пытался извлечь занозу – грязным ножом?

– Ничего страшного, святой отец, – успокоительно сказал юноша. – Все обойдется, думаю. Тачка была новая, ручки не обструганы, а гроб очень тяжел от того, что обит свинцом. Заноза вошла глубоко, но часть я уже вытащил.

В шкафу с лекарствами хранился пинцет. Кадфаэль осторожно ввел его концы в воспаленную рану, прищурившись над ладонью юноши. Зоркость его была превосходна, а прикосновения точны и безжалостны. Щепка сидела глубоко в ладони, дальний конец ее был расколот. Кадфаэль извлекал частицу за частицей, отгибая края раны и надавливая на них, чтобы убедиться, не осталось ли в ране обломков занозы. Подопечный его хранил молчание, стоял тихо и не морщился; Кадфаэль предположил, что либо парень на редкость спокоен по натуре, либо робеет перед незнакомыми людьми.

– Ну как, чувствуешь что-нибудь внутри?

– Нет, только саднит, но не колется, – коснувшись раны, ответил юноша.

От длинной щепки под кожей остался темный след. Кадфаэль взял из шкафа настойку, чтобы промыть рану: смесь окопника, липушника и чистеца, недаром заслужившего свое название.

– Обращайся с рукой поосторожней. Если завтра еще будет болеть, мы снова промоем рану. Но, думаю, все скоро заживет.

Брат Эдмунд ушел на вечерний обход: надо было навестить болящих стариков, подлить масла в лампадку, горевшую в часовне. Кадфаэль закрыл дверцы шкафа и взял светильник. Лицо юноши, стоявшего посередине комнаты, осветилось более полно и отчетливо. Глубоко сидящие глаза не мигая смотрели на Кадфаэля: при свете дня они блистали синевой, но теперь казались почти черными. Большой упрямый рот неожиданно расплылся в мальчишеской улыбке.

– Вот сейчас я тебя узнал! – обрадовался Кадфаэль. – Я сразу подумал, что твое лицо мне знакомо. Но имени никак не мог припомнить! Ведь прошло столько лет... Ты – слуга Уильяма Литвуда, вы вместе отправились в паломничество.

– Это было семь лет назад, – подсказал юноша. Он так и сиял от радости, довольный, что Кадфаэль его вспомнил. – Меня зовут Илэйв.

– Ну-ну, и ты вернулся домой в добром здравии. Ты и выглядишь так, будто прошел полсвета. Помню, Уильям принес дар церкви, прежде чем отправиться в путь. Как мне тогда хотелось пойти вместе с вами! И что, добрались вы до Иерусалима?

– Да, мы побывали там! – радостно ответил Илэйв. – Мне выпало счастье служить старому Уильяму – другого такого хозяина не сыскать! Я это понял еще до того, как он предложил мне идти вместе с ним в Святую землю. Ведь у него не было сыновей.

– Верно, сыновей у него не было, – припомнил Кадфаэль. – Дело свое он передал племянникам. Человек трезвого ума, добрый хозяин. Многие здесь, в монастыре, помнят его благодеяния.

И вдруг Кадфаэль замолчал. Увлечшись воспоминаниями, он упустил из виду настоящее. Кадфаэль помрачнел. Да, этот юноша вернулся с тем же попутчиком, с которым отправлялся в дорогу.

– Скажи мне, – тихо спросил Кадфаэль, – в этом гробу покоится тело Уильяма Литвуда?

– Да, – ответил Илэйв. – Он умер в Валони, прежде чем мы достигли Барфлёра. У него оставались деньги, чтобы оплатить расходы на пути домой. Заболел он, когда мы проходили через Францию. Нам пришлось остановиться на месяц, прежде чем он снова мог идти. Уильям Литвуд знал, что умирает, но не тревожился об этом. Монахи были очень добры к нам. У меня хороший почерк, и я работал у них писцом. Мы ни в чем не знали нужды.

Юноша рассказывал просто и безмятежно – видимо, годы странствий в обществе человека кроткого и мужественного, с благою верой готового встретить час кончины, научили Илэйва смотреть на мир безыскусно и радостно.

– Мне надо передать кое-что его родне. И потом, он поручил мне испросить для него место на монастырском кладбище.

– Здесь, в нашем аббатстве? – уточнил Кадфаэль.

– Да. Надеюсь, мне будет позволено завтра изложить свою просьбу на собрании капитула. Уильям Литвуд на протяжении всей своей жизни благодетельствовал монастырю; милорд аббат, должно быть, это помнит.

– У нас теперь новый настоятель, но приор Роберт помнит все, да и другие братья тоже. Аббат Радульфус выслушает всех – и, думаю, твоя просьба будет удовлетворена. В пользу Уильяма найдется достаточно свидетелей. Жаль, что он не вернулся живым и нельзя уже потолковать с ним.

Кадфаэль смотрел на юношу, проникаясь к нему все большей приязнью.

– Ты сделал для своего хозяина доброе дело! – продолжал он. – Наверное, тебе пришлось нелегко, особенно к концу пути. Ведь ты покинул родные края совсем юным пареньком!

– Мне было в ту пору уже девятнадцать, – улыбнулся Илэйв, – и я был вынослив как лошадь! А сейчас мне двадцать шесть, и я вполне самостоятелен. – Юноша пристально взглянул на Кадфаэля. – Я помню тебя, брат. Ведь это ты был воином Христовым и участвовал в походе на Восток.

– Да, верно, – с теплотой в голосе признался Кадфаэль.

Беседа с юным паломником, побывавшим в тех краях, где некогда бывал и он, пробудила в Кадфаэле дремавшую тягу к странствиям, призраки минувшего ожили в его памяти.

– Как-нибудь в свободное время мы с тобой обо всем поговорим. Но только не теперь! Хотя ты и не чувствуешь себя усталым, тебе следует побереечь силы. А завтра мы улучим часок-другой. Теперь же отправляйся спать, мне еще надо заглянуть в трапезную.

– Да, ты прав, – глубоко вздохнув, признал Илэйв. – И все же, как я рад, что добрался сюда и выполнил обещанное. Доброй ночи, брат, спасибо тебе за все.

Кадфаэль смотрел, как юноша идет по двору и поднимается по ступеням странноприимного дома, сильный и ловкий; странствовать ему, несмотря на юные годы, довелось столько, сколько иному не выпадает за целую жизнь. Здесь, в этих стенах, никто не может даже вообразить себе те земли, где побывал юноша, – никто, кроме Кадфаэля. Былая жажда странствий вновь овладела душой монаха, впервые после многих лет мира и спокойствия.

– Ты вспомнил его? – Брат Эдмунд выглянул в окно из-за плеча Кадфаэля. – Он раз или два совсем молодым пареньком приходил сюда по поручению своего хозяина. За эти годы он очень изменился, да и неудивительно: ведь ему пришлось побывать едва ли не на краю земли! Порой мне кажется, Кадфаэль, что я многое упустил в своей жизни.

– Рад ли ты тому, что отец так рано отдал тебя в монастырь? – спросил Кадфаэль. – Или считаешь, что был бы счастливей, оставаясь мирянином?

Эдмунд и Кадфаэль были старые друзья и потому могли задавать друг другу такие вопросы. Брат Эдмунд улыбнулся благодушно.

– Ты бы себя о том же спросил. Я человек старого уклада и другим уже не стану – ни при Радульфусе, ни при любом новом аббате. Перед тем как идти в трапезную, помолимся о верности принесенному обету.

На следующее утро юный Илэйв предстал перед капитулом: его пригласили, едва только были обсуждены текущие монастырские дела.

Заседавших было больше, чем обычно, так как на собрании капитула присутствовали и гости. Каноник Герберт, миссия которого временно откладывалась, не собирался ограничивать свою кипучую деятельность и постоянно совал нос во все дела аббатства. На капитуле он восседал по правую руку от аббата Радульфуса, здесь же был Зерло, епископский дьякон, сопровождавший грозного прелата и ревностно служивший ему. По словам Хью, дьякон этот

был скромным, добрым малым. На его круглой невинной физиономии были написаны все движения души, перед Гербертом Зерло трепетал. Лет ему было чуть больше сорока, на гладко выбритых щеках цвел румянец, а вокруг тонзуры топорщились редкие волосы. За все время пути он достаточно натерпелся от капризов всевластного попутчика и ничего так не желал, как скорейшего и мирного сложения своих обязанностей. Однако путь в Честер был еще впереди.

Илэйв предстал пред сим внушительным, увеличенным в составе капитулом бодрый и радостный: юноше легко было от сознания, что странствия завершились и бремя ответственности более не лежит на нем. Смотрел он открыто, доверчиво, убежденный, что в просьбе ему не откажут.

– Милорд аббат, – начал Илэйв. – Я привез из Святой земли тело своего хозяина, Уильяма Литвуда, которого хорошо знали в городе. Некогда он был благотворителем церкви и аббатства. Вам не довелось познакомиться с ним: паломничество его началось более семи лет назад, но в аббатстве найдутся братья, помнящие дары и благодеяния Уильяма Литвуда, и принесут за него свидетельство. Хозяин мой, умирая, высказал желание быть похороненным на кладбище аббатства. Я смиренно прошу похоронить его здесь, в этих стенах.

Возможно, юноша заранее составил эту речь и долго повторял ее, предположил Кадфаэль, он явно не из тех, кто слишком боек на язык. Но если надо было, он говорил – и говорил от всего сердца. Голос у Илэйва был приятный, низкий, к тому же годы странствий научили его, как надо держать себя с людьми разных званий и положений.

Радульфус кивнул и обратился к приору Роберту.

– Ты уже был здесь семь лет назад, еще до моего появления в аббатстве. Расскажи мне все, что знаешь об Уильяме Литвуде. Он был купцом из Шрусбери?

– Да, и весьма уважаемым купцом, – с готовностью отозвался Роберт. – Он держал стадо овец, пасшихся на лугах ближе к Уэльсу. Кроме того, он скупал настриженную овечью шерсть у крестьян и перепродавал с наибольшей для них выгодой. А еще он держал мастерскую, где вырабатывал пергамент. Прекрасный белый пергамент. Мы, как и другие монастыри, охотно покупали его. Сейчас все дела ведут его племянники. Дом этого семейства находится близ церкви Святого Алкмунда.

– Уильям Литвуд был благотворителем аббатства?

Брат Бенедикт, ризничий, подробно описал множество даров, которыми Уильям Литвуд облагодетельствовал и хор, и приход Святого Креста.

– Он был близким другом аббата Хериберта, который умер три года назад.

На взгляд епископа Винчестерского, ставшего впоследствии папским легатом, Хериберт был слишком мягок по натуре. Епископ сместил его и назначил на освободившееся место Радульфуса. Хериберт последние годы своей жизни провел мирно и счастливо как простой монах, певчий церковного хора.

– Уильям заботился о бедняках в холодные зимние дни, – напомнил брат Освальд, раздатчик милостыни.

– Я полагаю, Уильям заслужил, чтобы его желание было исполнено, – сказал аббат и ободряюще взглянул на Илэйва: – Я знаю, ты странствовал со своим хозяином. Ты помогал ему и доказал свою преданность; верю, что путешествие оказалось благом и для тебя, и для Уильяма, умершего паломником. Благословенная смерть! А пока ступай. Вскоре я снова вызову тебя.

Илэйв отвесил почтительный поклон и легкой походкой покинул капитул, смешавшись с толпой прибывших на празднество паломников.

Едва только проситель покинул капитул, каноник Герберт, до сей поры воздерживавшийся от замечаний, шумно прокашлялся и с мрачной значительностью произнес:

– Милорд аббат! Быть похороненным в этих стенах – высокая честь. Ее нельзя даровать необдуманно. Заслужил ли купец Уильям быть похороненным здесь? Многие благородные лица желали бы покоиться на монастырском кладбище. Капитул должен строго взвесить

все обстоятельства, прежде чем решить дело о похоронах человека, пусть даже щедрого, но выходца из низших сословий.

– Я никогда не думал, – невозмутимо заметил аббат Радульфус, – что звание или ремесло имеют значение перед Богом. Мы выслушали впечатляющий перечень даров, которые Уильям принес нашей церкви, и о близких своих он никогда не забывал. Учтите и то, что совершенное им паломничество в Иерусалим свидетельствует о горячей вере, благородстве и мужестве.

Дьякон Зерло – весьма невинный, безвредный человек, как впоследствии убедился Кадфаэль, когда все уже утряслось, – имел роковую склонность в самую ответственную минуту говорить самые неподходящие вещи.

– Вот что значит хороший капитул! – сияя, воскликнул Зерло. – Увещание, последовавшее вовремя, оказало благотворное воздействие. Поистине, священнослужитель не должен молчать, когда искажают учение. Его наставления могут вернуть заблудшую душу на путь истинный.

Однако наивная, почти детская веселость Зерло медленно угасла во внезапно наступившем тяжелом молчании. Зерло с недоумением осмотрелся: монахи избегали его взгляда, иные рассеянно смотрели в сторону, кто-то упорно изучал свои руки, и только аббат Радульфус с бесстрастным лицом глядел на незадачливого дьякона, да каноник Герберт вперил в него неподвижный, испытующий взор. Зерло растерянно улыбнулся, но улыбка тут же угасла на его круглой, простодушной физиономии.

– Однажды внявший наставлениям способен искупить любые заблуждения, – осмелился пояснить Зерло, но осекся: его слабый голос прозвучал жалко посреди ледяного молчания. Все, казалось, словно оцепенели.

– Как именно искажал учение купец Уильям Литвуд? – Каноник Герберт словно с цепи сорвался. – По какому поводу священник увещевал его? Уильяму Литвуду приказано было отправиться в паломничество, дабы искупить некий смертный грех?

– Да нет же, ничего такого не было, – с тихой учтивостью возразил Зерло. – Ему посоветовали идти в Святую землю, чтобы душа его получила благодатное искупление.

– Искупление величайшего преступления? – продолжал допытываться каноник.

– Ах нет! Он никому не причинил вреда, никого не обидел и не оскорбил. Все это дело прошлое. – С непривычным для него мужеством Зерло пытался исправить допущенную им оплошность. – Девять лет назад блаженной памяти архиепископ Уильям Корбейль послал священников-миссионеров в разные города Англии. Будучи папским легатом, он заботился о благоденствии Церкви и поручил дело проповеди своим каноникам из Святой Осит. Я сопровождал святого отца, посланного в наш епископат, и слышал его проповедь в церкви Святого Креста. После проповеди Уильям Литвуд устроил для нас ужин, и состоялся оживленный разговор. Наш благотворитель не проявил никакой строптивости, он только задавал вопросы, причем с наивозможной почтительностью. Вежливый, воспитанный человек. Но образ его мыслей из-за недостатка должных наставлений...

– Ты хочешь сказать, – грозно заявил Герберт, – что человек, которого собираются похоронить здесь, в монастырских стенах, был порицаем за еретические взгляды?

– Я бы не сказал «еретические», – поспешно пробубнил Зерло, – не вполне правильные, возможно... На него никогда не поступало жалоб епископу. Видите, не прошло и двух лет, как он, вняв совету, отправился в паломничество.

– Многие отправляются в паломничество ради собственного удовольствия, – проворчал Герберт. – В погоне за барышом, например. Искушает не деяние, а искренность намерения.

– У нас нет оснований считать, – сухо возразил Радульфус, – что намерения Уильяма были неискренни. Мы со смирением вынуждены признать, что образ мыслей не всегда поддается проверке.

– Однако мы не можем отринуть свой долг пред Господом. Какая польза в том, что купец Уильям Литвуд некогда отказался от ложных взглядов? Мы не можем ни оценить тяжесть его вины, ни узнать, заслужил ли он искупление. Церковь у нас в Англии здорова и полна жизненных соков, но опасность распространения ложных верований не миновала. Разве вы не слышали о заблудших проповедниках Франции, которые соблазняли легковверных, выставляя духовенство жадным и распущенным, а церковные обряды – не имеющими смысла? На юге аббат Клэрво весьма встревожен появлением этих лжепророков.

– Аббат Клэрво также предупреждал, – оживленно вмешался Радульфус, – что недостаток набожности и простоты в самом священстве способствует притоку людей в разные секты. Церковь обязана исправлять прежде всего собственные недостатки.

Кадфаэль, как и другие братья, слушал, жадно впитывая каждое слово и надеясь, что внезапно поднявшаяся гроза уйдет так же скоро, как и возникла. Радульфус не позволит заезжему прелату распорядиться в аббатстве. И однако Радульфус не вправе запретить посланнику епископа рассуждать о чистоте учения.

Называя имя Бернарда Клэрво, поборника трезвости и воздержания, нельзя было не вспомнить о растущем влиянии цистерцианцев – монашеского ордена, которому благоволил архиепископ Теобальд. И хотя Бернард сочувствовал порицанию народом сановитых священников и ратовал за возвращение к апостольской простоте, навряд ли бы он потерпел, если бы кто-то стал неверно истолковывать догматы. Радульфус мог сослаться на Бернарда Клэрво, предпочесть одну цитату другой, и однако он поспешил отвлечься, чтобы не потерять перевес в споре.

– Однако Зерло помнит, в чем посланник епископа был несогласен с Уильямом, – деловито заметил он.

На лице Зерло изобразилось замешательство: он не знал, радоваться или огорчаться такому обороту. Он уже открыл было рот, но Радульфус жестом остановил его:

– погоди! Нам необходим еще один свидетель. Тот юноша – единственный, кто может поведать нам о предсмертном устроении своего хозяина. Прежде чем отказывать в просьбе, послушаем, что он скажет. Дэнис, сходи за Илэйвом и снова пригласи его к нам.

– Охотно, – сказал Дэнис и порывистым шагом покинул собрание капитула. Видно было, насколько он возмущен.

Илэйв, ни о чем не подозревая, вернулся в зал. Юноша надеялся, что сейчас услышит окончательное слово. В благоприятном исходе он ничуть не сомневался, о чем красноречиво свидетельствовали его легкая поступь и беззаботное выражение лица. Ничто не насторожило Илэйва, даже когда, тщательно подбирая слова, аббат заговорил, подозрение не закралось в сердце юноши.

– Молодой человек, здесь возникли некоторые разногласия относительно твоего хозяина. Говорят, что незадолго до того, как он отправился в паломничество, меж ним и посланником архиепископа, читавшим проповеди в Шрусбери, возник спор: Уильяму Литвуду случилось высказать мнения, не соответствующие учению Церкви, за что архиепископский священник вынес ему порицание. Полагают также, что паломничество было предпринято им во искупление. Что ты знаешь об этом? Или тебе, возможно, ничего не известно?

Илэйв, недоумевая, свел густые, ровные, чуть рыжеватые брови, однако держался он спокойно.

– Мне известно только то, что хозяин мой много размышлял над некоторыми догматами Символа Веры. В паломничество он отправился по велению сердца. Все дела свои он возложил на молодых, так как сам был уже стар годами. Уильям Литвуд попросил меня идти с ним, и я согласился. У моего хозяина никогда не было разноречий с отцом Элией. Отец Элия всегда считал его порядочным человеком.

– Порядочный человек, отступающий от Священного Писания, еще опасней, чем отъявленный злодей. Человек, чьи пороки всем видны, – это открытый враг, а не тайный, готовый отворить ворота крепости.

«Вот как на это смотрит Церковь, – подумал Кадфаэль. – Турки-сельджуки и сарацины убивают сотни христиан в сражениях, нападают на паломников и заключают их в темницу; при этом к разбойникам относятся терпимо, со снисхождением, хотя они подлежат наказанию за гробом. Но стоит христианину хоть ненамного отступить от догматов, его тут же предадут анафеме». Кадфаэль наблюдал подобные нравы на Востоке в осажденных христианских городах; несмотря на угрозу вторжения врагов, к заблудшим братьям отношение было самое суровое. Здесь, в Англии, нравы были другие, но они могли перемениться в подражание Антиохии или Александрии. Однако, пока аббатом оставался Радульфус, в монастыре опасаться было нечего.

– Очевидно, духовник Уильяма не считал его врагом – ни внешним, ни внутренним, – с мягкой настойчивостью сказал аббат. – Но пусть дьякон Зерло объяснит нам, в чем состояла суть расхождений, а юноша расскажет о мыслях хозяина перед смертью, чтобы мы с уверенностью знали, заслуживает ли Уильям Литвуд быть похороненным на монастырском кладбище или нет.

– Говори! – повелел Герберт, так как Зерло, чувствуя себя виноватым, медлил. – И будь точен! Какие именно догматы искажал Уильям Литвуд?

– Насколько помню, – покорно начал Зерло, – расхождений было не так уж много. В частности, два из них касались крещения младенцев. Помимо того, он испытывал трудности в понимании Троицы...

«А кто их не испытывал! – подумал Кадфаэль. – Если бы с легкостью можно было постичь догмат троичности, все толкователи-богословы остались бы не у дел. А ведь ни один из них не согласен с мнением другого!»

– Уильям говорил, что если первый – Отец, а второй – Сын, то как они могут быть совечны и единосущны? И еще он не мог понять, почему Дух равен Отцу и Сыну, если Он исходит от Обоих? Литвуд не видел даже необходимости в существовании третьего, ибо творение, искупление и существование достаточно полны в Отце и Сыне. Третий только подкрепляет представления тех, кто мыслит числом три, каковы сказители, заклинатели, гадалки...

– Так он расценивал Христову Церковь? – Все мускулы на лице Герберта напряглись, он сумрачно свел брови.

– Нет, это он говорил не о Церкви, я уверен. Но Троица – величайшая тайна, многие затрудняются в ее постижении.

– Слабый человеческий ум не способен постичь эту тайну. Нам дана истина, и мы должны принять ее с твердой верой. Но развращенные становятся на гибельную тропу, дерзая бранным разумом постичь вечное. Продолжай! Два расхождения, сказал ты. В чем состояло второе?

Зерло виновато взглянул на Радульфуса и мельком, с тревогой – на Илэйва. Юноша, нахмурившись и чуть выпятив нижнюю губу, пристально смотрел на дьякона. Ни страха, ни гнева он не выказывал – просто смотрел и ждал, чем все закончится.

– Второе расхождение тоже касается Отца и Сына. Уильям Литвуд говорил, что если они – одна и та же сущность (поскольку Символ Веры называет их единосущными), то вочеловечение Сына означает также и вочеловечение Отца, распространяющего божественность на то, с чем Он связан по сути. Из этого вытекает, что Отец и Сын равно познали страдания, смерть и воскресение и оба нераздельно участвуют в нашем искуплении.

– Да ведь это же патрипассианская ересь! – взъярившись, воскликнул Герберт. – Савелий за это был отлучен, как и за другие свои убеждения. Ноит Смирнский высказывал в проповедях, на свою гибель, подобные же мысли. Опаснейшее из заблуждений. Неудивительно, что священник предупредил купца, на какую гибельную тропу тот ступил!

– Но Уильям внял совету пастыря, – твердо напомнил собранию Радульфус, – и отправился в паломничество. Вся жизнь его свидетельствует о том, что он был честным человеком. Каковы бы ни были его заблуждения семь лет назад, нас должно занимать только, был ли Литвуд духовно здоров в час своей кончины. Юноша, стоящий перед нами, – единственный свидетель, который может об этом рассказать. Давайте же выслушаем слугу и спутника Уильяма Литвуда.

Аббат внимательно взглянул на Илэйва: юноша, судя по виду, не испытывал страха, но только старался сдержать возмущение.

– Расскажи о своем хозяине, – спокойно предложил Радульфус. – Ты был с ним до последних дней. Как он исполнял свой христианский долг на протяжении путешествия?

– Он не забывал о посте и молитве и исповедовался по возможности часто. И нигде за ним не замечали ничего дурного. В Священном Граде мы посетили все наиболее выдающиеся святыни и останавливались в монастырях. Хозяин не скупясь платил за приют, и все к нему относились с уважением, как к человеку доброму и набожному.

– Но открывал ли Уильям Литвуд кому-то свои воззрения, провозглашал ли явно свои ереси? Или он втайне упорствовал в прежних заблуждениях? – не унимался Герберт.

– Беседовал ли он с тобой о подобных вещах? – спросил аббат, пресекая вмешательство.

– Редко, милорд аббат, да я и не слишком хорошо разбираюсь в подобных материях. Я не могу свидетельствовать об образе мыслей моего хозяина, но поведение его, уверяю вас, было добропорядочным.

Лицо Илэйва казалось непроницаемо спокойным, и все же трудно было поверить, что юноша ничего не понимает в глубоких материях и не проявляет к ним интереса.

– Посылал ли он за священником, когда почувствовал приближение кончины? – мягко расспрашивал Радульфус.

– Да, он исповедался и немедленно получил отпущение грехов. Уильям Литвуд умер как истинный сын Церкви. Во время путешествия он исповедался при каждом удобном случае, особенно после того как на обратном пути заболел. Месяц мы провели в монастыре Святого Марселя, пока хозяин не поправился. Там он часто беседовал с братией: в монастыре дозволялось рассуждать о вере, высказывать сомнения, к подобным беседам относились с пониманием. Уильям Литвуд всегда открыто говорил о том, что его тревожило, а в монастыре не считалось грехом размышлять о святынях.

Каноник Герберт с холодной подозрительностью взглянул на юношу.

– Где находится монастырь Святого Марселя? Как давно вы там останавливались?

– Это было весной прошлого года. Мы отправились в путь в начале мая с партией паломников из Ключи, намереваясь посетить монастырь Святого Иакова в Компостеле и отслужить там благодарственный молебен о выздоровлении. И мне, и хозяину казалось, что он уже здоров, но болезнь продолжала развиваться, и по пути нам пришлось несколько раз останавливаться. Монастырь Святого Марселя находится неподалеку от Шалон-сюр-Сон. Это дочерняя обитель Ключи.

При упоминании Ключи Герберт громко фыркнул и отворотил свой внушительный нос. Ключи был богатым монастырем, где неустанно заботились о паломниках, предоставляя пищу и кров не только французам, но – с недавних пор – и англичанам. Однако для лиц, приближенных к архиепископу Теобальду, Ключи являлся гнездом, откуда выпорхнул Генри Винчестерский, заносчивый соперник, с которым трудно было поладить.

И все же Илэйв был тверд в намерении отстаивать доброе имя обители Ключи.

– Там недавно умер один брат, который писал и поучал о подобных вещах, другие братья перед ним благоговели, как перед святым. Он не считал грехом прибегать к суждениям разума, и настоятель Ключи был того же мнения. Когда этот брат заболел, он перевел его в другой монастырь ради поправки здоровья. Мне довелось слышать, как этот брат уже почти в

последние дни своей жизни читал и толковал Евангелие от Иоанна. Я слушал и дивился. Это было незадолго до его смерти.

– Какая самонадеянность! Пытаться при ложном свете человеческого разума рассмотреть великие тайны! – с кислой миной процедил Герберт. – Священные истины должно принимать без рассуждений, простому человеку не подобает над ними умствовать. Как звали того брата?

– Пьер Абеляр, родом из Бретони. Он умер в апреле, а мы отправились в Компостелу в мае.

С именем Пьера Абеляра у Илэйва были связаны только светлые впечатления от его проповеди, которые до сих пор не изгладились. Иное дело Герберт.

Каноник вздрогнул и выпрямился, будто вырос на полголовы, – так иногда свеча неожиданно выбрасывает пламя.

– Да знаешь ли ты, глупая легковверная душа, что Пьера Абеляра дважды осуждали как еретика?! Много лет назад его писания о Святой Троице были сожжены, а сам автор посажен в тюрьму. А три года назад Сансский собор снова обвинил Абеляра в ереси и приговорил его труды к сожжению, а самого сочинителя – к пожизненному заключению.

Однако аббат Радульфус, как оказалось, знал об этом деле куда лучше каноника Герберта, хоть и вел себя менее шумно.

– Обвинение это вскоре было снято, – сухо заметил Радульфус. – И автору, по просьбе аббата, дозволили уехать в Ключи.

Герберт проявил неосторожность, и ответ его был скоропалителен:

– На мой взгляд, Абеляр не заслужил помилования. Не следовало отменять приговор.

– Приговор был отменен Святейшим Папой, – мягко напомнил аббат, – который не может заблуждаться.

Вряд ли Радульфус намеревался уязвить Герберта, однако сказано сие было не без ехидцы.

– То же можно сказать и о приговоре, – еще более опрометчиво заявил Герберт. – Его Святейшеству представили неверные сведения, и потому он отменил приговор. Он вынес это непогрешимое суждение на основании сведений, ему данных.

Илэйв сверкнул глазами и проговорил будто про себя, но так, чтобы все услышали:

– По определению, что та же самая вещь не может быть своей противоположностью, мы заключаем: одно из суждений ошибочно. Но ошибочным может оказаться как первое, так и второе суждение.

«И кто бы посмел сказать, – с удовлетворением заметил Кадфаэль, – что этому юноше не понятны философские доводы! Паренек не упустил ни единого слова из бесед, которые ему довелось слышать на пути в Иерусалим! И знает он гораздо больше, чем заявляет. Хоть на миг, но парень заставил Герберта покраснеть и умолкнуть».

Но этого мгновения оказалось достаточно для аббата. Разговор принимал опасный оборот, и Радульфус решительно пресек его:

– Его Святейшество Папа наделен огромной властью. Его непогрешимая воля может равно и осудить, и даровать прощение. Я тут не вижу никаких противоречий. Каких бы взглядов ни придерживался Уильям Литвуд семь лет назад, умер он паломником, в состоянии благодати, исповедавшись и получив отпущение грехов. Я не вижу препятствий для похорон Уильяма Литвуда в стенах монастыря. Его желание покоиться на монастырском кладбище будет удовлетворено.

Глава третья

Направляясь после обеда к своим травяным грядкам, Кадфаэль встретил во дворе Илэйва. Юноша как раз спускался по ступенькам странноприимного дома, сияя, будто только что отполированный и наточенный, предназначенный для тонкой работы инструмент. Илэйв был все еще возбужден и готов к отпору: уж слишком много препятствий пришлось ему преодолеть, доставляя гроб с телом хозяина к желанному месту упокоения. Лицо Илэйва еще сохраняло выражение непримиримости, и прямой острый нос, казалось, был нацелен на невидимого врага.

– Ты того и гляди укусишь! – улыбнулся Кадфаэль, подходя поближе к юноше.

Илэйв растерянно взглянул на него, не зная, как отвечать: от самого безобидного человека порой можно ожидать неприятностей. Наконец юноша улыбнулся, и напряжение почти исчезло с его лица.

– Только не тебя, брат! Да, пришлось показать клыки, но ведь меня к этому принудили.

– Аббат наш стоит за тебя горой, и твоя просьба удовлетворена. Но уж ты старайся помалкивать, пока тот чужак не уедет. Молчание – лучший способ избежать опрометчивых слов. А еще лучше соглашаться со всем, что бы ни изрекли прелаты. Но это, похоже, не для тебя.

– Я словно бы пробираюсь по лесу, где за каждым кустом – вражеский лучник, – признался Илэйв. И добавил доверительно: – Ты рассуждаешь не как обыкновенный монах.

– Обыкновенных монахов ты здесь и не найдешь. Я вот что еще скажу тебе: слушая пространные рассуждения богословов, я думаю о том, что Бог говорит с нами на всех языках и любое слово, обращенное к Нему или сказанное о Нем, не нуждается в толковании. И если слово это идет от сердца, не надо никаких оправданий. Как твоя рука? Нет воспаления?

Илэйв переложил шкатулку в другую руку и показал заживающий рубец на ладони, еще слегка припухший и розовый вокруг белых шрамов.

– Пойдем ко мне в сарайчик, если ты не слишком спешишь, – предложил Кадфаэль. – И я опять сделаю перевязку. После этого считай, что ты здоров. – Кадфаэль взглянул на шкатулку, которую юноша держал под мышкой. – У тебя дела в городе? Не к родственникам ли Уильяма ты собрался идти?

– Да, надо сообщить им о назначенных на завтра похоронах, – сказал Илэйв. – Родные обязательно придут. Они очень дружные люди, меж ними никогда не было раздоров. Супруга Жерара, его племянника, обихаживает всю семью. Я должен пойти и уведомить их обо всем. Но спешить некуда: уж если я пойду, то пробуду там до вечера.

Дружески беседуя, Илэйв и Кадфаэль прошли через двор, миновали обнесенный густой изгородью сад с цветущими розами. Вскоре они достигли огорода, где запах нагретых солнцем трав окружил их благоухающим облаком. Они шагали по дорожке из гравия меж гряд, от которых волной поднимались сладостные ароматы.

– Стыдно сидеть в четырех стенах, когда такая дивная погода! – объявил Кадфаэль. – Побудь здесь, на солнышке, а я сейчас вынесу настой.

Илэйв охотно сел на скамью под северной стеной, подняв лицо к солнцу и поставив рядом с собой шкатулку. Кадфаэль с любопытством взглянул на нее, но ничего не сказал, он вынес лекарство и обработал рану.

– Рубец почти зажил, скоро ты о нем совсем позабудешь. У молодых раны быстро затягиваются. Путешествуя, ты подвергался куда большим опасностям, чем у нас, в Шрусбери.

Кадфаэль закупорил склянку и сел рядом с гостем.

– Они, наверное, еще и не знают, что их дядюшка умер.

– Нет, пока не знают. Вчера у меня было много хлопот с телом хозяина, а утром вышла задержка из-за споров на капитуле. А ты знаешь его племянников? Жерар разводит овец и

торгует шерстью. Местным крестьянам он помогает сбыть шерсть, скупая ее по выгодной для них цене. Джеван еще при Уильяме занимался изготовлением пергамента. Но с тех пор прошло столько лет! Все могло перемениться.

– Наверняка я знаю лишь одно: все они живы, – отозвался Кадфаэль. – Мы редко видим их здесь, в аббатстве. Разве что по праздникам, потому что в городе у них есть своя церковь – церковь Святого Алкмунда. – Кадфаэль взглянул на шкатулку, лежащую меж ними на скамейке. – Это от Уильяма? Можно взглянуть? Признаться, от нее трудно глаза отвести. Какая дивная резьба! Наверное, старинная работа.

Илэйв взглянул на шкатулку оценивающе – и в то же самое время равнодушно: ему всего лишь было поручено передать ее, и следовало поскорей исполнить это поручение. Илэйв дал шкатулку в руки Кадфаэлю, чтобы тот получше ее рассмотрел.

– Это приданое для одной девушки. Когда Уильям так разболелся, что уже не мог идти, он вспомнил о своей приемной дочери. Ведь она жила у них в доме с первых своих дней. Уильям вручил мне шкатулку, чтобы я передал ее Жерару. Девушке на выданье неплохо иметь приданое.

– Я помню ее девчушкой, – вскользь заметил Кадфаэль, восхищенно поворачивая в руках шкатулку.

При взгляде на эту вещь в душе любого проснулся бы художник. Она была сделана из темной древесины, добытой, как казалось Кадфаэлю, на Востоке, около фута в длину, восьми дюймов в ширину и четырех дюймов в высоту. Крышка с маленьким позолоченным замочком была плотно пригнана. Низ и боковые стороны были гладкие, отполированные до блеска, почти черные, сверху по краю шла резьба – переплетенные виноградные лозы, обильно покрытые листвой и гроздьями. Узор этот обрамлял ромбовидную пластину из слоновой кости, на которой был вырезан увенчанный нимбом лик, округлый, с огромными византийскими глазами. Шкатулка была настолько древней, что острые грани ее сгладились от прикосновений множества рук, хотя позолота на краях резьбы все еще не стерлась.

– Изысканная работа! – почтительно отозвался Кадфаэль. Он взвесил шкатулку на руке: она казалась цельным куском дерева. – Тебя никогда не занимало, что там внутри?

Юноша, с удивлением взглянув на Кадфаэля, пожал плечами.

– Шкатулка постоянно находилась в узле с вещами, мне попросту было не до нее. Я достал ее только полчаса назад. Я не знаю, что там внутри. Наверное, деньги, скопленные Уильямом для девушки. Я собираюсь в город, чтобы отдать шкатулку Жерару, как мне и было велено. Это ведь не моя вещь, у нее теперь есть хозяйка – приемная дочь Уильяма.

– Где же он раздобыл такую вещицу?

– Купил у бедного дьякона на базаре в Триполи, прежде чем сесть на корабль, плывущий к острову Кипр и в Фессалоники. В то время многие христиане бежали из Эдессы, покидали монастыри под натиском головорезов-мамлюков, нахлынувших из Мосула. Ради куска хлеба ввергнутые в нищету беженцы продавали все, что успели захватить с собой. Уильям, заключавший хитроумные сделки, по-божески рассчитывался с этими беднягами. Беженцы рассказывали, что жизнь в покинутых ими землях стала трудной и опасной. До Святой земли мы добирались сушей, не торопясь: Уильяму хотелось увидеть как можно больше святынь в Константинополе. Но, возвращаясь домой, решили хотя бы часть пути проплыть морем. Множество греческих и итальянских кораблей ходили в Фессалоники, а иные даже в Бари и Венецию.

– И я знавал те моря, – признался Кадфаэль, с удовольствием озирая внутренним взглядом прожитые годы. – А как вы там устраивались на ночлег?

– Порой собиралась целая компания паломников, но в основном мы путешествовали вдвоем. Ключийское аббатство содержит странноприимные дома по всей Франции и Италии, даже близ Константинополя имеется пристанище для пилигримов. А в Святой земле рыцари ордена Святого Иоанна с охотой предоставляют кров. Да, это было замечательно! – с благого-

вейным восхищением в голосе продолжал Илэйв. – Путешествуя, живешь одним днем: о будущем не задумываешься, на прошедшее не оглядываешься, только сейчас можно оценить путешествие в целом. Да, это было великолепно!

– Но ведь были не одни только радости, – заметил Кадфаэль. – Да и нельзя требовать, чтобы все было прекрасно. Вспомни дождь и холод, черствый хлеб, ночлег под открытым небом, нападения разбойников... Неужто вам удалось избежать всех этих трудностей? Вспомни болезнь Уильяма, утомление, каменистые дороги... Любому путешественнику приходится хлебнуть горя.

– Да, трудностей хватало, – согласился Илэйв, – и все же я считаю: путешествие наше было великолепно!

– Ладно, так тому и быть, – вздохнул Кадфаэль. – Я, парень, с удовольствием посижу с тобой и побеседую о каждом ярде пройденного пути, однако навести сперва господина Жерара. А что ты собираешься делать дальше? Наверное, вернешься к прежним хозяевам?

– Нет, об этом и речи быть не может! Ведь я работал у Уильяма. Сейчас у них есть свой писец, и я не собираюсь его подсиживать. А двое им ни к чему. Но мне хочется заниматься чем-нибудь иным. Надо подумать, осмотреться. Путешествуя, я многому научился, и хотелось бы использовать эти знания.

Юноша поднялся со скамьи и зажал шкатулку под мышкой.

– Я забыл, – Кадфаэль задумчиво поглядел на Илэйва, – откуда они взяли девочку? Собственных детей ни у Уильяма, ни у Жерара не было, а Джеван холост. Они, наверное, взяли сиротку?

– Да, именно так. У них была служанка, совершенная простушка, вот она и сошлась с мелочным торговцем, а через год родила от него дочь. Уильям поселил их обеих у себя в доме, и Маргарет заботилась о малышке, как о родной. Вскоре служанка умерла, и девочку удочерили. Какая она была хорошенькая! И такая умница, совсем не то что мать. Уильям назвал ее Фортунатой: девочка явилась в мир, не имея ничего, даже отца, объяснял Уильям, а обрела дом и родных, и удача будет сопутствовать ей всю жизнь. Когда мы отправились в путь, девочке было около двенадцати, – уточнил Илэйв. – Как и все подростки, она выглядела худой и неуклюжей. Губастая, угловатая девчонка... Такой она и осталась. Недаром говорят, что из самых хороших щенков вырастают уродливые собаки. Некрасивой девушке не помешает приличное приданое.

Илэйв потянулся, покрепче сжал шкатулку, дружеским кивком простился с Кадфаэлем и зашагал по тропе, желая поскорее разделаться с последним поручением. Его подстегивало также смутное любопытство и волнение: ведь многое, наверное, изменилось с тех пор, как он покинул дом! Что некогда было близким, стало чужим, вернуться в прошлое не так-то просто. Кадфаэль дружелюбно, но не без легкой зависти проследил, как юноша скрылся за углом.

Дом Жерара Литвуда, как и большинство купеческих домов в Шрусбери, был выстроен в форме буквы L, короткое основание выходило прямо на улицу и было прорезано аркой, которая вела во внутренний дворик и сад. Основание L имело всего один этаж, там находилась лавка Джевана, младшего брата. В лавке продавали пергамент и хранили выделанные шкуры, из которых его нарезали. Длинная сторона L, уходившая в глубь двора, была поставлена к улице торцом, на котором красовался островерхий фронтон. Эта часть дома состояла из подвала со сводами и верхнего жилого этажа с высокой крышей, под которой располагались запасные спальни. Постройка в целом не была обширной: в городе, обведенном петлей реки, земля ценилась очень дорого. За рекой, в Форгейте и Франквилле, земли было достаточно, но в пределах городских стен старались использовать каждый дюйм.

Илэйв медлил, не решаясь войти в дом: юноше хотелось разобраться в обуревавших его чувствах. На душе у него потеплело при мысли о том, что наконец он вернулся домой, но

узнают ли его, когда он войдет и назовет себя? Дом, который он считал родным и под крышей которого провел много лет, казался ему теперь до странности крохотным. Посреди внушительных базилик Константинополя и необозримых пустынных просторов человек привыкает к размаху.

Медленно вошел Илэйв через узкую арку во внутренний двор. По правую руку находились конюшня, коровник, сарай и приземистый курятник – все точь-в-точь как много лет назад. Входная дверь, как это всегда делалось в жаркие летние дни, была распахнута. Из сада вышла женщина и направилась к дому с корзиной чистого, свежего белья, которое она только что сняла с изгороди. Заметив незнакомца, хозяйка заторопилась к нему навстречу.

– Добрый день, сэр! Если вы хотите видеть мужа...

Вдруг она застыла, изумленная, не решаясь поверить собственным глазам. Нельзя сказать, чтобы Илэйв изменился за годы странствий до неузнаваемости, но теперь он выглядел зрелым мужчиной. Маргарет никак не ожидала увидеть его, потому что, ступив на английский берег, юноша не успел послать ей ни единой весточки.

– Госпожа Маргарет, вы меня помните? – спросил Илэйв.

Услышав его голос, Маргарет узнала юношу окончательно. Она вспыхнула от радости.

– Ах, дорогой мой! Так это ты! А я вдруг растерялась: уж не призрак ли твой я вижу, ведь я думала, что ты все еще странствуешь в дальних краях... А это ты, живой и невредимый, вернулся из путешествия! Как я рада видеть тебя, милый, и Джеван и Жерар тоже будут рады... Кто бы мог подумать, что ты вот так, вдруг, будто из-под земли вырастешь! И как раз накануне праздника святой Уинифред! Пойдем-ка со мной, я положу белье и принесу тебе эля, а ты расскажешь мне, как да что...

Маргарет участливо взяла юношу под руку, провела в дом и усадила на скамью возле окна; она искренне радовалась встрече и потому не заметила напряженного молчания Илэйва.

Супруга Жерара – стройная темноволосая подвижная женщина лет сорока – так и цвела здоровьем. С утра до ночи она хлопотала по дому и слыла рачительной и радушной хозяйкой. Чистота и порядок в доме словно свидетельствовали о жизнерадостной и искренней натуре Маргарет.

– Жерар уехал на стрижку овец, не сегодня-завтра вернется. То-то он удивится, увидев дядюшку Уильяма на прежнем месте за столом! А где сейчас дядюшка Уильям? Идет за тобой следом, или его задержали дела в аббатстве?

Илэйв, тяжело вздохнув, сообщил Маргарет печальную новость:

– Дядюшка Уильям не придет, госпожа.

– Не придет? – Маргарет резко обернулась в дверях кладовой.

– Простите, что я принес дурную весть. Мастер Уильям умер во Франции, когда мы уже собирались плыть домой. Но я привез его на родину, как и обещал. Тело его лежит в аббатстве, и завтра будут похороны. Уильям Литвуд упокоится на монастырском кладбище, рядом с другими благодетелями монастыря.

Маргарет, с кувшином в руках, молча стояла и смотрела на Илэйва.

– Такова была его воля, – пояснил Илэйв. – Дядюшка Уильям завершил все свои начинания и достиг всего, чего желал.

– Не о всяком человеке можно такое сказать, – задумчиво добавила Маргарет. – Что ж, дядюшки Уильяма больше нет. «Дела в аббатстве» – кажется, я так сказала. Я почти угадала... И ты сам, один, вез тело из Франции! Жерар в отъезде, и одному Богу ведомо, когда он вернется. Наверняка он огорчится, узнав, что не успел отдать последний долг хорошему человеку и доброму родственнику. – Маргарет, стряхнув с себя оцепенение, вновь стала деловитой. – Не кори себя: ты ни в чем не виноват. Ты сделал большое дело, странствия твои закончены, и можно отдохнуть.

Маргарет налила юноше эля и присела рядом, спокойно прикидывая, что предстоит сделать. Эта умная женщина способна была позаботиться обо всем необходимом даже в отсутствие мужа.

– Дядюшке Уильяму было около восьмидесяти, – произнесла Маргарет. – Жизнь он прожил честную, был добрым родственником и хорошим соседом, умер в паломничестве, о котором мечтал, с тех пор как проповедник из Святой Осит посоветовал ему отправиться в Святую землю... Но что же я это тут сижу да прохлаждаюсь? Время не ждет. Жаль, аббат не успел известить нас, что вы вернулись.

– Аббат узнал о нашем возвращении только сегодня утром, на заседании капитула. Старого аббата уже нет, а новый поставлен всего четыре года назад. Но, к счастью, все уладилось.

– Да, конечно, в монастыре сделают все необходимое. Но надо позаботиться о том, чтобы и здесь все было в порядке, предупредить о похоронах соседей... Ты, надеюсь, придешь после похорон помянуть Уильяма? Конан дома, я пошлю его поискать Жерара по деревням. Точно неизвестно, где он, но вдруг Конан да отыщет! Мужу надо объехать шесть стад. Посиди тут – я приведу из лавки Джевана, и Олдвин пусть оторвется от своих книг. Ты расскажешь нам о старике. Фортуната пошла за покупками, но скоро вернется.

Маргарет ушла, а Илэйв остался сидеть в тишине. Он так еще и не упомянул о шкапулке. Вскоре Маргарет вернулась, ведя с собой Джевана, Олдвина и пастуха Конана, которого Илэйв запомнил еще двадцатилетним юношей – худеньким и хрупким на вид. За прошедшие годы он пополнил, раздался в плечах и выглядел здоровяком, с румянцем во всю щеку. Олдвин поступил в услужение к Жерару незадолго до того, как Уильям взял Илэйва с собой в паломничество. Тогда Олдвину было за сорок, грамотой он не слишком владел, но от природы был наделен способностью к счету. Сейчас, в свои пятьдесят, Олдвин внешне почти не изменился, только волосы поседели да поредели на макушке. Бедняге приходилось усердно трудиться, чтобы справиться с обязанностями, длинное лицо его казалось усталым и озабоченным.

Илэйв рано научился читать, а учил его священник, со всем усердием стараясь развить таланты своего маленького прихожанина. Тогда, работая на пару с Олдвином, Илэйв без стеснения наслаждался своим превосходством. Юноша вспомнил, как обучал старшего писца грамоте и счету, не оттого, что искренне желал помочь ему, а желая поразить всех своими знаниями. Сейчас Илэйв стал старше и умней и понял, как велик мир и как ничтожен он сам. Он даже порадовался тому, что у Олдвина хорошее место, надежная крыша над головой и никто с ним не соперничает.

Джеван Литвуд был на семь лет моложе Жерара, значит, ему было чуть больше сорока; высокий, худощавый, Джеван имел прямую осанку и гладко выбритое лицо человека большой учености. В детстве он не получил должного образования, но рано занялся изготовлением пергамента, познакомился с грамотными людьми, покупавшими у него товар, – монахами, писцами, – порой к нему обращались и землевладельцы средней руки. Смышлелый Джеван учился у них, жадно впитывая знания, побуждая своих знакомых вновь и вновь беседовать с ним. Так постепенно он сделался грамотеем, он – единственный из всех домочадцев – умел читать по-латыни и по-английски. Для продавца пергамента, безусловно, полезно понимать ценность своего труда, его значимость для просвещения.

Домочадцы по-родственному собрались за столом, чтобы оказать радушный прием Илэйву и узнать новости. Смерть Уильяма – старого, обремененного годами и покинувшего сей свет в состоянии благодати, чтобы найти последний приют на монастырском кладбище, – была не роковой развязкой, но венцом достойно прожитой жизни. Утрата эта воспринималась тем более легко, что родственники успели отвыкнуть от старика за годы разлуки; прореха, образовавшаяся после его ухода семь лет назад, давно затянулась. Илэйв рассказал о том, как они с хозяином возвращались на родину и как Уильям ослаб, а потом стал болеть и наконец

умер. Юноша поведал, как за больным ухаживали в монастырях и какова была его смерть – на чистой постели, после исповеди и отпущения грехов. Это случилось в Валони, неподалеку от порта, из которого им предстояло отплыть домой.

– Итак, похороны завтра, – уточнил Джеван. – А в котором часу?

– В десять, после мессы. Сам аббат будет служить. Ох, и пришлось же ему поспорить с каноником из Кентербери! При чужаке был епископский дьякон, – пояснил Илэйв, – и он сболтнул по неосторожности о каких-то давних делах с заезжим проповедником. Герберт, будто клещами, вытащил из дьякона слово за словом и хотел было заклеить Уильяма как еретика и не допустить похорон на монастырском кладбище, но аббат настоял на своем. Даже и меня, – разгорячившись, вспомнил Илэйв, – чуть было не записали в еретики, когда я осмелился спорить. Каноник этот не выносит, когда ему противоречат. С аббатом приезжий не будет ссориться, но меня он невзлюбил. Придется мне быть тише воды и ниже травы.

– Ты сделал правильно, – тепло сказала Маргарет, – вступился за своего хозяина. Надеюсь, это не будет иметь последствий.

– Нет, теперь все волнения позади. Вы завтра придете к мессе?

– Да, мы все придем, – ответил Джеван. – Жерар тоже придет, если мы сумеем его разыскать. Сейчас он где-то на западных окраинах графства. Жерар собирался вернуться к празднику святой Уинифред, но со стадами нехитро и задержаться.

Шкатулка по-прежнему оставалась на лавке под окном. Илэйв поднялся и перенес шкатулку на стол. Все взоры с любопытством устремились на нее.

– Мне велено передать это господину Жерару. Шкатулка предназначена для Фортунаты, мастер Уильям желал, чтобы она хранилась у хозяина дома до замужества девушки. Это ее приданое.

Джеван подошел и, зачарованный красотой резьбы, взял шкатулку в руки.

– Редкая работа. Он купил ее за морем? – Джеван прикинул вес шкатулки. – Настоящее сокровище. Что внутри?

– Не знаю. Господин Уильям вручил мне ее перед смертью и растолковал, что с ней делать, а я не задавал лишних вопросов – и без того было много забот.

– Ты добросовестно выполнил поручение, и мы приносим тебе свою благодарность. Уильям, наш родственник, был человеком достойным, и я рада, что он обрел в тебе опору, странствуя вдали от дома.

Маргарет взяла шкатулку и провела пальцем по золоченому краю резьбы, затаив дыхание от восхищения.

– Коли это велено передать Жерару, дождемся его возвращения. Он глава семьи.

– Ключик – и тот произведение искусства, – заметил Джеван. – Как говорил дядюшка Уильям, Фортунате подходит ее имя. Счастливица! Ходит по городским лавкам и не думает, какое богатство ей привалило!

Маргарет открыла стоящий в углу комнаты узкий шкаф и положила шкатулку вместе с ключиком на верхнюю полку.

– Пусть она остается там, покуда муж не вернется домой. Жерар будет хранить шкатулку, пока нашей девчужке не взбредет в голову выйти замуж. Может быть, она уже приглядела какого-нибудь паренька...

Пока Маргарет не закрыла дверцы шкафа, домочадцы все смотрели на шкатулку.

– Многие теперь, прослышав о приданом, захотят жениться на Фортунате, – с кислым видом изрек Олдвин. – Ей понадобится ваш совет, госпожа.

Конан ничего не сказал. По характеру он был молчун. Он все глядел на шкатулку, пока Маргарет не убрала ее в шкаф, и, едва Илэйв встал, Конан поднялся вместе с ним.

– Возьму пони и поеду искать хозяина. Найду или нет, к вечеру вернусь.

Илэйв собрался было уже выйти из залы, так как все отправились по своим делам, но Маргарет потянула юношу за рукав, желая переговорить с ним с глазу на глаз.

– Я знаю, ты не поймешь меня неправильно, – произнесла она доверительно. – С другим бы я говорить не стала, Илэйв. Ты всегда хорошо управлялся с расчетными книгами и отличался трудолюбием. Сказать правду, Олдвину до тебя далеко, хотя он и старается изо всех сил и выполняет все, что от него требуется. Но Олдвин стареет, у него нет ни дома, ни родни. Куда он пойдет, если мы уволим его? А ты молод, и теперь, когда ты повидал свет, многие торговцы охотно тебя наймут. Уверена, ты не сочтешь за обиду...

Илэйв, который сразу понял, к чему клонит Маргарет, торопливо перебил ее:

– Нет-нет, что вы! Я вовсе не рассчитывал занять свое прежнее место. У меня нет намерений вытеснять Олдвина. Я рад, что ему обеспечена спокойная старость. А обо мне не думайте, вот отдохну, осмотрюсь – и найду себе место. Как вы могли предположить, что я обижусь?.. В этом доме я не видел ничего, кроме добра, а добро я помню. Я искренне желаю, чтобы Олдвин продолжал работать у вас.

– Узнаю прежнего Илэйва! – горячо воскликнула Маргарет. Видно было, что от сердца у нее отлегло. – Я знала, что ты меня поймешь. А ты можешь со временем найти работу у какого-нибудь купца из тех, кто владеет торговыми кораблями, это тебе подойдет, ведь ты побывал в разных странах и многое повидал. Но как насчет завтрашнего дня? Ты придешь отужинать с нами после похорон?

Илэйв с готовностью согласился, радуясь, что его по-прежнему считают членом семьи. Сказать откровенно, он почувствовал бы себя в путях, если бы ему пришлось вернуться к прежнему: к оплате счетов и подсчитыванию выручки от продажи шерсти, к выгадыванию и экономии по мелочам и прочим скучным каждодневным хлопотам, связанным с ведением надежного, но скромного дела. Однако Илэйв пока еще не решил, чего бы ему хотелось, и потому не торопился предлагать свои услуги новому хозяину.

Выйдя во двор вместе с Конаном, который направлялся в конюшню, Илэйв отступил на шаг, чтобы пропустить пастуха вперед. В это время в арку вошла юная девушка с корзиной. Невысокая, но ладно скроенная, стремительной и пружинистой, как у длинноногого жеребенка, походкой она пересекла двор. Свободное серое платье ее развевалось, подчеркивая изящество фигуры, небольшая голова, красиво посаженная на точеной шее, была увенчана темной, с каштановым отливом косой. На полпути девушка остановилась и взглянула с изумлением на Илэйва, а затем звонко расхохоталась.

– Ты! – тихо воскликнула она, и в голосе ее прозвучала радость. – Это не сон?

Илэйв и Конан также остановились. Илэйв, будто остопоп, смотрел на незнакомую девушку, не понимая, откуда она его знает. Конан хранил молчание, но в его прищуренных глазах читалось напряженное внимание.

– Ты меня не узнал? – Голос девушки звучал звонко, будто колокольчик.

«Что за дурак!» – подумал о себе Илэйв. Кем же еще, как не Фортунатой, могла быть эта простоволосая девица, вернувшаяся из города с покупками?! И однако он не узнал ее.

Некогда узкое, с острым подбородком личико округлилось в плавный овал, будто вырезанный из слоновой кости; прежде редкие, крупные зубы белели теперь ровными рядами меж темно-розовых губ, улыбавшихся над его рассеянностью и смущением. Угловатые, костлявые в детстве плечи обрисовывались плавными, покатыми линиями. Тонкие «мышинные» косички превратились в длинную толстую косу, которая короной была обвита вокруг головы, а зелено-кариые глаза, любопытный взгляд которых некогда так раздражал Илэйва, ныне искрились радостью, и от них трудно было оторваться.

– Я узнал тебя, – пробормотал юноша. – Но ты так изменилась!

– А ты совсем не изменился, – сказала девушка. – Только загорел, и волосы на солнце выгорели. Я узнала бы тебя сразу, где бы ни встретила! Но как же так? Ты возникаешь вдруг, ни единым словом не предупредив, и они тебя отпускают, не дождавись меня!

– Завтра я приду опять, – пообещал Илэйв, не решаясь сообщить ей дурную весть прямо здесь, во дворе, при Конане, который продолжал стоять, с пристальным вниманием наблюдая за их встречами. – Госпожа Маргарет все тебе расскажет. Мне было поручено...

– Если бы ты знал, – перебила его Фортуната, – как часто и подолгу мы беседовали о вас, гадая, благополучно ли протекает ваше путешествие... Не так уж часто близкие отправляются в дальний путь!

Навряд ли Илэйв за все время путешествия хоть раз вспомнил о тех, кто оставался на родине. Из всей семьи он наиболее любил и почитал Уильяма, с ним он отправился в путь не колеблясь. Странствуя, он не думал о домочадцах, чья жизнь продолжала течь в прежнем русле, и уж менее всего – о длинноногой двенадцатилетней девчонке, веснушчатой и докучливой.

– Я не заслужил твоего внимания, – со стыдом признал Илэйв.

– При чем тут заслуги? – возразила Фортуната. – И ты уже собираешься уходить? Нет, так не годится! Пойдем со мной в дом, хоть час посидишь. Почему я должна ждать до завтра, чтобы снова тебя увидеть?

Девушка взяла его за руку и повела к порогу. Илэйв был уверен, что за ее приглашением кроется не более чем дружелюбие, ведь девушка помнила его с самого детства. Наверное, она беспокоится о нем не более, чем о любом другом добром знакомом. И все же он пошел за ней, как послушное дитя, безмолвный и зачарованный. И он без возражений последовал бы за ней, куда бы она его ни повела. Вот сейчас он расскажет невеселые новости, думал Илэйв, и уйдет: навряд ли они станут друг для друга кем-то иным, нежели просто знакомыми. И однако он опять переступил порог зала, и оба окунулись в прохладный сумрак.

Конан, проводив их долгим взглядом, направился к конюшне. Брови пастуха были сведены в усердном размышлении.

Глава четвертая

Конан вернулся домой к ночи, Жерара он так и не нашел.

– В Фортоне мне сказали, что хозяин с утра отправился в Нессе, желая добраться туда до темноты. Я подумал, что лучше мне вернуться. Завтра хозяин навряд ли придет, и на похороны он все равно опоздает, ведь ему ничего не известно.

– Жерар будет сожалеть, что не успел проститься со стариком, – покачивая головой, сказала Маргарет. – Но ничего не поделаешь. Придется нам самим обо всем позаботиться. Может, и к лучшему, что мы его не нашли. Жаль терять два дня, когда стрижка овец еще не закончена.

– Дядюшку Уильяма все равно не воскресить, – невозмутимо согласился Джеван. – А Жерару не стоит отрываться от дел: вдруг какой-нибудь перекупщик опередит его? Не расстраивайся, на похоронах будет немало родни. Ложись-ка спать, Мэг, завтра с утра надо позаботиться об угощении.

– Ты прав, – со вздохом согласилась Маргарет и оперлась ладонями о стол, собираясь подняться. – Не огорчайся, Конан, ты сделал все, что мог. Отведи пони в стойло и ступай ужинать: в кухне для тебя оставлено мясо, хлеб и эль. Доброй ночи всем!.. Джеван, ты бы взял лампу и проверил, заперты ли двери.

– Обязательно! Разве я когда-то об этом забывал? Доброй ночи, Мэг!

Хозяйская спальня находилась в нижнем этаже. У Фортунаты была своя комната наверху, отгороженная от общей части чердака, где спали слуги. Джеван спал в тесной комнатенке над аркой, там же он держал самый ценный товар и собственные книги.

Дверь хозяйской спальни затворилась за Маргарет. Конан отправился на кухню, но в дверях оглянулся и спросил:

– Долго ли еще этот парень сидел здесь? Он собирался уже уходить, но вернулась Фортуната и задержала его.

Джеван с некоторым удивлением взглянул на Конана:

– Илэйв остался с нами ужинать. И назавтра он приглашен. А Фортунате он, наверное, приглянулся.

Длинное лицо Джевана всегда хранило строгое, мрачное выражение, но от его живых, сверкающих умом черных глаз ничего не могло укрыться. Сейчас они словно проникали в душу Конана и светились участием.

– Тебе не о чем беспокоиться, – проговорил Джеван. – Илэйв не пастух, он не станет с тобой соперничать. Иди и спокойно ужинай. Если кому-то надо беспокоиться, так это Олдвину.

Конан, который спросил об Илэйве из праздного любопытства, задумался. Джеван невольно натолкнул его на мысль о соперничестве. Пастух вышел на кухню, усердно обдумывая слова хозяина. Олдвин в угрюмом расположении духа ужинал за грубо сколоченным столом, перед писцом стояла наполовину осушенная кружка эля.

– Вот уж не думал, – изрек Конан, опираясь локтями о край стола, – что мы снова увидим этого парня. Сколько опасностей его подстерегало: разбойники на дорогах, морские бури и кораблекрушения... Но он вернулся домой цел и невредим. А вот хозяин его сплюховал!

– Ты нашел Жерара? – спросил Олдвин.

– Нет, он сейчас на западных окраинах графства. Ничего, и без него похоронят. А по мне, – искренне признался Конан, – уж лучше бы мы сейчас этого парня хоронили.

– Скоро он опять уедет, – объявил Олдвин, в душе страстно на это надеясь. – Он повидал свет, многому научился, и здесь у нас ему скучно.

Конан презрительно хохотнул.

– Скучно, говоришь? Так оно и было, пока наш гость не увидел Фортунату. Девушка взяла его за руку, и он послушно пошел с ней в дом. А она... Когда она смотрит на этого парня, других мужчин словно и рядом нет.

Олдвин взглянул на него с недоверием.

– Уж не прочишь ли ты девушку себе в жены? Раньше я ничего такого за тобой не замечал.

– Она всегда мне нравилась. Да, они обращаются с ней как с дочерью, но все же она им не родная кровь, а приемыш. И без приданого нельзя. У Жерара нет наследников, но ведь у Маргарет найдутся племянники. Нравится им девушка или не нравится, мужчина должен все предусмотреть.

– А теперь, получив приданое от старика Уильяма, она стала тебе еще милей, – догадался Олдвин. – И ты желаешь, чтобы соперник убрался подальше. Но он-то привез ей приданое! Знаешь, внутри шкатулки, возможно, нет ничего ценного.

– В такой-то шкатулке!.. Да ты видел, как она изукрашена – вся в завитках и позолоте?

– Шкатулка – она и есть шкатулка. А вот что в ней спрятано?

– В ценную шкатулку не положат какой-нибудь хлам. Что там внутри, мы не знаем. Но мне девушка нравится, и я не вижу ничего зазорного в том, – с горячностью настаивал Конан, – что с приданым она стала для меня еще желанней. А тебя разве не беспокоит, что этот юнец и Фортунату завлечет, и займет прежнее место?

Олдвин, хоть и не знал покоя с тех пор, как появился Илэйв, все же продолжал спорить:

– Не заметно, чтобы хозяева желали его возвращения.

– Зачем же они его так тепло принимают? – настаивал Конан. – И разве не сказал мне только что Джеван, что Илэйв не пастух, и если надо кому-то беспокоиться, так это Олдвину?

Олдвин при этих словах сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Конан, передав ему слова Джевана, подлил масла в огонь. Писец сидел и слушал Конана молча, мучимый подозрениями, губы его кривились в унылой, желчной гримасе.

– Из такого опасного путешествия вернулся живой и невредимый! – продолжал удивляться Конан. – Бог свидетель, я не желаю парню зла, но лучше ему убраться отсюда подальше. Пусть наслаждается всяческими благами за тридевять земель. Но он не дурак, чтобы не понимать своей выгоды. Как избавиться от него, не возьму в толк!

– Пустить гончих по пятам, – зловеще ухмыльнулся Олдвин.

Конан отправился спать, а Олдвин все еще сидел за столом. Поднялся он, когда в доме наступила полная темнота. Джеван, заперев входную дверь, давно ушел к себе в комнату. Олдвин зажег свечу от тлеющего фитиля масляной лампы, чтобы добраться до лестницы, ведущей на чердак.

В зале стояла глубокая тишина, слышно было, как под ночным ветерком тихо поскрипывают ставни. Свеча озаряла просторное помещение. На полпути к лестнице Олдвин остановился и прислушался: все было тихо. Он решительно направился прямо в угол, к стоявшему там шкафу.

Ключ всегда оставался в замочной скважине: все ценное Жерар держал в ящике комода, стоявшего в супружеской спальне. Олдвин осторожно открыл длинную дверцу шкафа, укрепил свечу на уровне груди и дотянулся до верхней полки, куда Маргарет поставила шкатулку.

Сняв шкатулку, он поставил ее рядом со свечой. На миг он помедлил в нерешительности; вдруг ключик громко щелкнет, поворачиваясь в замке, или вовсе не повернется? Олдвин даже себе не мог бы ответить, что возбудило в нем запретное любопытство, и однако ему хотелось бы знать все до мелочей, раз уж обстоятельства складываются против него. Олдвин повернул ключик: поворачивался он беззвучно и плавно, ладно пригнанный к замку. И ключик, и замок – все было под стать шкатулке. Левой рукой Олдвин приоткрыл крышку, а в правую взял свечу и поднял ее повыше.

– Что ты здесь делаешь? – раздался вдруг с лестничной площадки резкий, раздраженный голос Джевана.

Олдвин вздрогнул от испуга, капля горячего воска упала ему на руку. Захлопнув крышку, Олдвин торопливо повернул ключик и тут же поставил шкатулку обратно на верхнюю полку. Джеван спустился вниз на несколько ступеней – черный призрак, растворенный тьмой. Открытая дверца шкафа загораживала от него Олдвина. Писец пошарил рукой по полке и обернулся к хозяину со свечой в руке, в другой он держал перочинный нож, который только что вытащил из-за пояса.

– Вчера я забыл здесь перочинный нож, утром он мне понадобится, чтобы наделать колышков и укрепить ручку бадьи.

Джеван, все еще раздраженный, сошел вниз и, грубо отстранив слугу, захлопнул дверцу шкафа.

– Бери свой нож и отправляйся спать! Что ты тревожишь весь дом в такой поздний час?

Олдвин повиновался с несвойственной для него готовностью. Он был рад, что удалось так ловко выкрутиться. Держа в трясущейся руке огарок свечи, он поднялся по лестнице и, не оглядываясь, ушел к себе на чердак. За спиной он услышал негромкий скрип: это Джеван запер шкаф на ключ.

Докучливое любопытство сошло писцу с рук, однако Олдвин, зная, что подобным поступкам не будут потворствовать, проявлял по отношению к Джевану всяческую предупредительность, пока его странная выходка не позабылась окончательно. Самое досадное было то, что усилия его ничем не увенчались. Он так и не успел разглядеть, что лежало в шкатулке, потому что пришлось сразу же захлопнуть крышку. А снова подвергать себя опасности он не собирался. Тайне шкатулки надлежало оставаться тайной вплоть до возвращения Жерара.

Двадцать первого июня после утренней мессы Уильяма Литвуда похоронили в скромном уголке монастырского кладбища, на восточной стороне, где покоились благотворители аббатства. Мечта паломника сбылась, и он мог почтить мирным сном.

Брат Кадфаэль подметил, что меж домочадцами, собравшимися на кладбище, нет былого согласия. Олдвина Кадфаэлю не раз случалось видеть в обители, когда тот приходил с различными поручениями от хозяев. Вид у слуги всегда был недовольный, но сейчас Олдвин выглядел особенно рассеянным и угрюмым. И он, и пастух, держась рядом, заговорщицки перешептывались и, прищурившись, изредка взглядывали на вернувшегося из паломничества пилигрима. Очевидно, эти двое с неудовольствием встретили юношу, несмотря на теплый прием хозяев. Илэйв также был поглощен собственными мыслями и, хотя не забывал следить за церемонией, то и дело посматривал на молодую девушку, скромно стоявшую подле госпожи Маргарет. Фортуната серьезно и сосредоточенно наблюдала за погребением человека, который дал ей кров и имя и даже не поспешил на приданое.

Девушка была весьма миловидна. Возможно, Илэйв уже не считал, что должность писца в доме Литвудов – занятие для него скучное. Худая, костлявая девчонка превратилась в привлекательную молодую особу. Но Фортуната сейчас словно позабыла об Илэйве. Она с напряженным вниманием смотрела, как опускают в могилу ее благодетеля, и не могла думать ни о чем другом.

Прежде чем разойтись, собравшиеся обменялись напоследок учтивыми словами, священнослужители выразили семье надлежащие соболезнования, с благодарностью принятые. На залитом солнцем дворе люди стояли кучками и сдержанно беседовали. Аббат Радульфус и приор Роберт на прощанье засвидетельствовали почтение госпоже Маргарет и Джевану Литвуду. К домочадцам понесшего утрату семейства подошел брат Жером, личный писец приора. Сказав несколько слов утешения приемной дочери Уильяма, он перешел к слугам. Однако их

разговор не ограничился простым высказыванием соболезнования: все трое, заговорщицки сблизив головы, перешептывались, вновь с недружелюбием поглядывая на Илэйва.

Юноша проявлял безупречную сдержанность и со времени спора с каноником не позволял себе ни единого вольного слова. Однако для брата Жерома достаточно было и прежней наживки: слабый намек на ересь, привлекий внимание столь выдающегося прелата, заставил брата Жерома принюхиваться наподобие гончей, идущей по следу.

Каноник не снизошел до того, чтобы почтить своим присутствием бренный прах Уильяма, но он мог узнать обо всем от приора Роберта; уж кто-кто, а приор Роберт не упустил бы случая угодить доверенному лицу архиепископа.

Однако сейчас небольшая заминка, которая грозила обернуться крупными неприятностями, была стараниями аббата улажена. Желание Уильяма осуществилось, Илэйв исполнил свой долг – и все потому, что Радульфусу удалось доказать правоту просителя. С окончанием праздника, назначенного на завтра, Герберт продолжит свой путь, и здесь, в Шрусбери, где не привыкли к такой, пусть даже искренней суровости, некому будет с пристрастностью оценивать каждое свободно высказанное слово.

Кадфаэль, понаблюдав, как расходятся все присутствовавшие, с легким сердцем отправился обедать в трапезную, уверенный, что все наконец уладилось.

На поминках Уильяма вдоволь было эля, вина и меда. И, как на всяких поминках, речи поначалу звучали серьезно и торжественно, но постепенно гости пустились в трогательные воспоминания, голоса зазвучали громче, и рассказчики прибегали более к помощи воображения, нежели памяти. Илэйва, которого старые добрые соседи не видали семь лет, пока он странствовал со своим хозяином, щедро угощали элем в обмен на рассказы о путешествии и о чудесах, виденных им, а также о достойной кончине Уильяма.

Юноша, если бы не выпил более обычного, навряд ли бы стал отвечать на скользкие, коварные расспросы. Однако с его честным, открытым нравом, окруженный дружелюбными собеседниками, мог ли он предположить, что необходимо тщательно обдумывать каждый ответ!

Когда почти все уже разошлись и Джеван вышел на улицу поболтать напоследок с задержавшимися гостями, беседа и вовсе приняла опасный оборот. Маргарет и Фортуната были на кухне, собирая остатки пищи и очищая кастрюли и сковородки, а Илэйв оставался в зале за столом вместе с Конаном и Олдвином. Закончив с приборкой на кухне, к ним неслышно вышла Фортуната и села рядом.

О похоронах уже успели поговорить и забыть, речь теперь шла о предстоящем празднестве: завтра исполнялся год, как в аббатство перенесли останки святой. Все надеялись, что наступающий день будет поистине необычным, включая прекрасную погоду. Поговорив об исцелениях и о прочих чудесах, сотворенных святой Уинифред, вновь вспомнили Уильяма. В самом деле, отчего бы еще не помянуть старика, раз уж сегодня его день?

– Брат, который у приора на побегушках, – сказал Олдвин, – седой такой, небольшого роста, говорит, будто нашего старика не хотели хоронить в стенах монастыря. Всплыла какая-то старая история с проповедником, и похорон не хотели допустить.

– Несогласие с Церковью – дело серьезное, – важно кивнув, согласился Конан. – В вопросах веры священники разбираются лучше нас. Слушай да говори «аминь», мой тебе совет. А Уильям беседовал с тобой когда-либо о подобных вещах, Илэйв? Ты странствовал с ним вместе много лет, что тебе известно о его взглядах?

– Он никогда не скрывал своих мыслей, – простодушно сказал Илэйв. – И отстаивал свою точку зрения с полным пониманием дела, даже беседуя со священниками. Но никто не порицал его за то, что он смеет рассуждать о подобных вещах. А иначе зачем человеку дан разум?

– Не должно неученым людям вроде нас, – заявил Олдвин, – рассуждать о том, в чем разбираются только священники. Королю и шерифу дана власть править нами, а священникам – учить нас. А мы должны подчиняться и не вмешиваться. Конан прав: слушай да говори «аминь».

– Как вы можете говорить «аминь», если вас учат, что некрещеные младенцы осуждены на вечные муки? – спокойно возразил Илэйв. – Это как раз одна из тех вещей, что занимали хозяина. Он утверждал, что даже злодей не бросит младенца в огонь, так что же милосердный Господь? Это было бы против Его сути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.